

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО



10 Května 1934.

Volné Kozáctvo

Ročník VII.

10-го мая 1934 г.

152

10-го травня 1934 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 7-ой

РІК ВИДАННЯ 7-ий



СОДЕРЖАНИЕ.

1. И. К. Скубани: Весенняя грусть. (Verše).
 2. Терентий Стариков: Степной дух. (Duch stepí).
 3. С. Савицкий: Дума про Козацьку Долю. (Verše).
-
4. Современным Межаковым. (Nynějším Mežakovům).
 5. Парад „русских казаков“. (Paráda „ruských Kozáků“).
 6. Трагедия Казачества. (Tragedie Kozáctva).
 7. К вольным казачкам. (K volným Kozačkám).
 8. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
 9. Правлению О. Р. К. в Париже. (Výboru ORK v Paříži).
 10. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
 11. В Казакии. (V Kozácku).
-

Почтовый ящик.

Пирей. — В. — Передайте, пожалуйста, А. И. Л., чтобы он прислал продолжение присланных Вами „списков“. Привет Вам и ему.
Pantin. — А. Д. — Получено. Привет.
Лилль. — В. Б. — Получено. Будет напечатано в следующем номере. Привет.
Сомбе. — Д. С. — Возвращаю. Привет.
Бухарест. — С. М. — Получено. Исполнено. Привет.
Белград. — Н. Б. — Послано. Привет.
Белград. — Д. Р. — Исполнено. Привет.
Франция. — С. Тк. — Получено. Привет.
Виши. — С. Ч. — Получено. Привет.

София. — Ф. Б. — Исполнено. На сокращение цены согласен. Привет.
Ницца. — П. Б. — Получено. Привет.
В. Бечкерек. — К. А. — Фотография будет помещена в следующем номере. Привет.
Бразилия. — С. С. — Получено. Привет.
Франция. Куренному ат. И. А. Б. — Будет напечатано в следующем номере. Привет.
Австралия. — В. Ф. К. Письмо и подписной лист получены. Деньги еще не получены. Привет.
Ницца. — Н. Т. — № 150 Вам послан. Привет.

Гонорар не платится.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.
Редакция не входит в переписку по поводу принятых к напечатанию рукописей.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В РУМЫНИИ:

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff. Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

Ф. Сафонов. F. Safonow. Augustow

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. М. Егоров. Лом.
Ф. Е. Бабкин. София.
И. Д. Кузнецов. Ески-Джумая.
С. Поляков. Варна.
С. А. Гринкин. В.-Търново.
Д. Ф. Князев. Сливен.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Козловский. Berlin.

В БЕЛЬГИИ:

Г. К. Рудаков. Брюссель.

ВО ФРАНЦИИ:

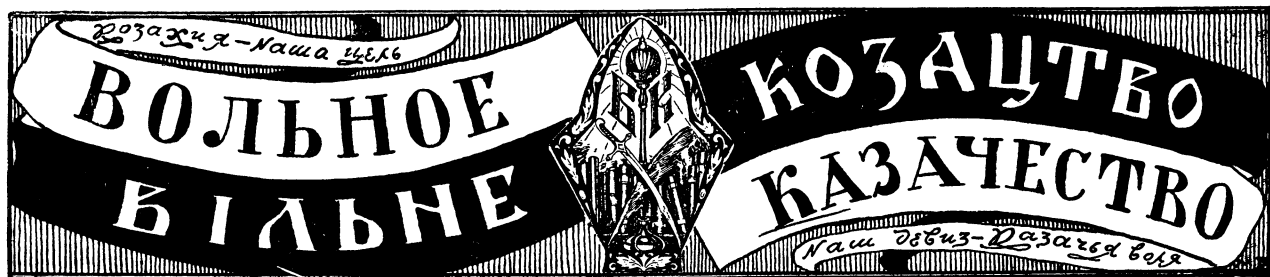
А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff. Lyon.
З. Д. Кондрашов. M-eur Kondrachoff. Colombelles.
Ив. Т. Курило. M-eur Kourilo. Toulouse.
И. Д. Попов. M-eur Popoff. Mont-Ferrand.
И. С. Орехов. M-eur Orekhoff. UGINE.
А. Г. Дронов. M-eur Dronoff. Tourcoing.
Н. П. Ивановский. M-eur Ivanovskoff. Montargis.
В. Богданов. M-eur Bogdanoff. Lille-Fives.
Б. Лепешкин. M-eur Lepechkin. Sens.
В. Ф. Фролов. M-eur Froloff. Décines.
И. З. Зотов. M-eur Zotoff. Valence.
Я. Л. Безгласный. M-eur Besglasny. Dijon.
Д. Г. Чесноков. M-eur Tchesnokoff. Vichy.

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. С. Савицкий. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:

И. С. Константинов. Харбин.



— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207 Tchécoslovaquie.

№ 152

Четверг, 10 мая 1934 = Четвер, 10 травня 1934.

№ 152

И. К. Скубани. (Румыния).

ВЕСЕННЯЯ ГРУСЬ.

Дух весны над землею летает,
Пробудились леса и сады,
Золотыми лучами играет
Солнце в зеркале вешней воды.
Зацвело все кругом и запело,
Восторгаясь красною весны.
Время снега и стуж пролетело,
Как кошмарные жуткие сны.

Только мне в безотрадной неволе
Словно камни на сердце легли,
И горячие слезы до боли
Мои веки огнем обожгли.
Нет уж силы ни петь, ни молиться...
Крест тяжел за моею спиной,
И с природой ликующей слиться
Не могу я больною душой...

Терентий Стариков.

Степной дух.

На Крымской стороне Казачьего Присуда, между Донцом и р. Кундрючей, причудливо изгибаясь, залегла холмистая гряда со множеством, Бог весть когда и кем, насыпанных курганов. Одни из них — могилы бывших повелителей степных народов, другие были насыпаны для сторожевых целей, третьи — бывшие подножия скифскому богу-мечу. За сотни и тысячи лет своего существования они видели, как приходили, зарождались и исчезали народы, как возникали и разрушались могучие царства. Им известны восторги победителей, мучительное отчаяние побежденных, радость и горе, слезы и кровь, позорный плен и слава, любовь и смерть, измена и верность... Все видели курганы и все хранят в немом молчании.

Ныне один из них стоит на границе двух враждующих миров. Там, впереди, татары-басурманы, позади — христиане-казаки. Много сот лет идет между ними жестокая борьба, борьба не на живот, а на смерть. Но истребить друг друга они не могут. Обе стороны одинаково воинственны, одинаково храбры, с одинаковой беззаветностью любят свой край... Гибнут воины, на их место вырастают новые, льется новая кровь, идут новые бои. Нет победителей, нет и побежденных. Кто исчезнет с лица земли и кто останется жить — знать не дано никому.

Курган молча, со спокойствием камня, наблюдает эту бойню.

Вот и сейчас на его вершине, в образовавшемся от провала могильного сруба углублении, лежит молодой казак и, опершись локтями о его края, внимательно смотрит на расстилающуюся перед ним зеленую степь.

Позади него — родной Край, охранять который он поставлен; впереди — басурманская сторона. Оттуда

можно ждать в любой момент набега татарских орд, несущих разорение, огонь, смерть, полон...

При этой мысли рука казака невольно сжимает рукоятку шашки, тревогой подергивается лицо. Часто он бывал в боях, часто видел кровь... И не за себя боится казак. Не страшна ему смерть. Но там, в городке, на берегу Донца живут его родные, друзья, живет „она“, за которую он готов отдать свою жизнь.

И Андрей (так звали казака) снова и снова внимательно всматривается в развернувшийся перед ним травяной ковер, зорко вглядываясь в каждый кустик, в каждую заметную точку. Вдруг он увидел, как вдали медленно, „с попасом“, с запада на восток продвигается большое стадо сайгаков (степные козы). Андрей, прикрывая глаза от горячего полуденного солнца, стал рассматривать стадо.

— В полдень, да в такую жару, сайгаки не пасутся, — подумал он, — их кто-то потревожил и, должно быть, далеко отсюда, иначе стадо не паслось бы мирно. Оно долго бежало, проголодалось и теперь утешает голод.

Вскоре Андрей заметил, как некоторые самцы, обычно при попасах идущие впереди, останавливаются позади стада и, поворачивая головы назад, подолгу смотрят вдале.

— Да, обязательно их кто-то спугнул, — решил Андрей. — Но кто? Наши ли разведчики или бродящие толпы татар? Пять-шесть казаков не здорово напугали бы тысячное стадо и не заставили бы так далеко уходить от них.

Стадо прошло и скрылось за горизонтом. Через некоторое время, и тоже с запада на восток, низко над землей, тяжело махая крыльями, пролетело стадо дудаков.

Андрей встревожился. Ему показалось подозрительным, что и дудаки летели в полдень.

— Непременно и они испуганы, думал он. — Летят низко. Это оттого, что тут они уже не видят опасности. Те, кто испугал их, — далеко.

Перед закатом солнца, готовясь уже второй раз к смене, Андрей увидел, как вдали от него промчался табун диких лошадей. Он уже не сомневался в том, что на западе идут люди, что их там много, и позвал старшего, чтобы поделиться с ним своими догадками.

— Примета верная, — заявил старший. — После смены сходишь на кош и доложишь обо всем Ивану Карповичу.

Оставшись один, Андрей внимательно осмотрел стоящий рядом с ним высокий деревянный столб, плотно обмотанный толстыми жгутами сухого ковыля, проверил крисало, кремь, „трут“ (натертая в селитре или в соломенной золе материя), потом высек огонь и потушил его... Убедившись, что все в порядке, что ковыль можно быстро поджечь, Андрей снова стал внимательно вглядываться в степь.

Мысль его усиленно работала. Ему представлялось то, что может случиться сегодня ночью или завтра днем: как целая сеть часовых, поставленных на высоких курганах, станет поджигать свои столбы или костры, как начнется сполох по всей Земле Донских казаков... Бросая сенокосы, охоту, рыбную ловлю, карьером несутся казаки в свои городки. Туда же или в лесные трущобы поспешно сгоняются отары овец, табуны лошадей, стада рогатого скота... Городки запираются. Для защиты их остаются женщины и часть казаков; все же остальные казаки садятся на коней и спешат в условленное место на соединение с казаками других городков...

Андрей ясно представляет и все то, что обыкновенно бывает потом: жестокие схватки с врагом, гибель многих друзей, пылающий огонь в захваченных татарами городках, угон полоняников...

Степь не знала пощады. Все слабое бесжалостно уничтожалось. Неискусный боец, невыносливый казак, ненаходчивый разведчик, невнимательный часовой — гибли. Шел великий отбор. Сильные, храбрые, сметливые люди слагались в высокой степени воинственное племя. Проводя время в непрерывных боях, в постоянных походах или на охоте, казаки приобрели привычку наблюдать. Им приходилось ежедневно отгадывать создающуюся обстановку. Все это повело к тому, что постепенно у них выработалось особое заостренное чутье, какой-то почти сверхчеловеческий инстинкт. Умение ориентироваться в степях, понимать жизнь поля и ее таинственный язык, — вот в чем была сила казаков. Они могли без компаса плавать по морю и безошибочно приставать к нужным берегам, без карт, дорог и жилья колесить свои и чужие степи...

Но и среди них находились казаки, которые поражали своих же братьев особой наблюдательностью, находчивостью, неустрашимостью.

С раннего детства Андрей был общим любимцем, украшением городка и готовился стать украшением Войска. С двенадцати лет он проводил время на охоте, в боях и походах. Постепенно он стал первоклассным наездником, стрелком, выдающимся бойцом. До двадцати пяти лет он не обращал никакого внимания на женщин, весь отдаваясь боевой жизни. Но на одном из праздников после удачного морского поиска взгляд его остановился на дочери станичного атамана — красавице Кате. Со всем пылом молодого сердца он полюбил ее...

Крымский хан, разгневанный на казаков за набег на Перекоп и его крымские улусы, грозился выжечь городки на Дону, людей вырезать или взять в полон и продать в неволю в далекие края. Войско ждало нападения. К передовым заставам высылались сильные подкрепления с задачей не пропускать на казачью Землю отдельные толпы татар, при появлении же больших скоплений сообщать в городки о том, куда они направляются, и, по возможности, при помощи разных хитрых маневров, задерживать их движение.

За постом Андрея, укрыто в вершине балки, стояло одно из таких подкреплений под командой старого и опытного казака Ивана Карповича. Стреноженные кони паслись ниже коша. Часть из них была под седлом.

Солнце село. Начинало темнеть. Казаки, разбившись по сумам, вечерали. Иван Карпович сидел возле догоравшего костра и вел тихую беседу с собравшимися и повечерявшими уже казаками.

В это время подошел сменившийся с поста Андрей и подробно доложил ему о том, что видел днем с кургана. Иван Карпович внимательно выслушал его и проговорил:

— Дело сурьезное. Надо ждать нападения.

Он приказал подвести лошадей к кошу, всех заседлать, стреножить и назначил, кому скакать в случае сполоха в городки...

Лошади были заседланы. Казаки снова собрались к Ивану Карповичу и просили продолжать рассказ.

— Но не всякий человек, — начал он, — может слышать сполох духа, не каждому это дано...

Андрей, вечеравший неподалеку от Ивана Карповича, с любопытством посмотрел на него и спросил:

— Дедушка, о каком духе ты говоришь?

Иван Карпович ласково посмотрел на своего любимца и проговорил:

— А о том, что хранит нашу степь.

— Но какой он, где он? — спрашивал Андрей.

— Всюду, — уверенно сказал Иван Карпович. — А какой он, не знаю, да и мало кто знает. Одно известно: он сторожит всех храбрых и честных людей. Полюбились ему и мы, казаки, за нашу горячую любовь к воле и к батюшке нашему Дону Ивановичу. Стал он сторожить и нас.

— Ктонибудь его видел?

— Духа видеть нельзя, но если он захочет, то может показать себя, и только тому, у кого смертельное горе или великая печаль. Может показаться он и тем, кто понимает шопот травы, шелест листьев, крик птицы, всплеск Донской волны, кто может не видя видеть, не слыша слышать... Иной раз знаки его понимают атаманы, от которых зависят жизни тысяч людей, когда вся их душа горит, когда разум ищет выхода, когда вся кровь может пролиться по их вине... Может понять эти знаки и тот, кто чует приближение недруга...

Иван Карпович смолк, но, подумав, добавил:

— Эти сигналы иной раз понимают и те, кто за любимого человека, за друга или названного брата готовы отдать жизнь.

Дрогнуло сердце у Андрея, и он потупил свой взор.

Внимательно слушали казаки Ивана Карповича. Никто из них раньше ничего не слышал о духе.

— А как же остальные казаки? — спросил гигант казак, сидевший рядом с Иваном Карповичем. — Их-то стережет дух? Они-то могут его видеть?

— Нет, не могут; но чистые сердцем люди, любящие свой Край, свой народ, готовые живот свой положить за Родную Землю, могут слышать его сполох, его колокольный звон, а иные хоть и не слышат, но чуют его, чуют опасность...

— Дедушка, а ты видел его? — спросил Андрей.

— Нет, соколик, не видел, но он меня часто спасал от опасности, а я спасал других. Мне не раз приходилось бывать атаманом в походах и не раз выкручиваться из беды.

— Знаем, — проговорили казаки, — слава о тебе по всему Дону ходила.

— Но я никогда не знал, кто помогает мне. Все будто выходило случайно или само собой. Правда, я часто понимал, слышал и видел то, что не видели, не слышали и не понимали другие. В разведке я мог по полету и даже по крику птицы, по бегу зайца, лисицы, козы узнать, где враг; по сакам — сказать, куда и когда прошли враги. В бою я явственно чуял, откуда следует ждать главного удара и хорошо выбирал время нашего главного удара. Мне всегда казалось, что само место, балки, леса, ручьи, речки, бугры помогают мне в бою делать все так, как надо. Ночью я ходил и ездил по звездам, в непогоду — по ветру, в лесу я всегда знал, где восход и где заход, сбиться с дороги я не мог. Но я не знал, кто указывает мне путь, кто

помогает мне... И вот лет двадцать тому назад мне поведала о всем покойница Соколиха. Ей тогда было лет сто двадцать. Она высохла, но глаза у нее были зоркие, как у молодой, слух острый — позавидовать мог любой казак.

— Говорят, что она с нечистым зналась, — заметил один казак.

— Не знаю, зналась она с ним или нет, но один раз она мне сказала: „Я могла слышать, как ползет змея, видеть в темноте, как днем, знать, что на душе у человека, враг он мне или друг. Утаиться от меня было нельзя. Меня считают за ведьму. Враки. Не ведьма я. Но тебе скажу правду. Не гордись, ты не все сам делаешь, тебе помогает и вызволяет тебя степной дух, наш истинный хранитель. Ему и будь благодарен. Он и наперед будет спасать тебя, если ты останешься справедливым, храбрым, честным. Никому я не говорила о нем, сказала тебе первому, а ты, когда я умру, скажи другим, чтобы знали казаки, кто бережет их“... Вскоре умерла Соколиха. Я не поверил ей тогда, но потом убедился, что она говорила правду. Много было разных случаев, когда я сам не мог бы выкрутиться из беды. Совсем недавно ходили мы на Волгу. Я был атаманом, Андрей — есаулом. Домой мы возвращались. Ночь была темная. Плыдем. Я насторожился. Всякое может случиться в такую темь, думал я. И вдруг чую — опасность. Тут где-то, близко. Сердце у меня стучит, по жилам как будто огонь побежал. И что же, я не чую, а как будто вижу засаду, вижу пушки, вижу стрельцов... Ну, мы, конечно, подготовились, и когда на нас напали, мы перебили до одного всех нападавших.

— Помнишь, Андрюша этот случай? — спросил Иван Карпович.

— Как же не помнить. Я тогда не понимал, как ты мог в такую темь увидеть засаду и знать, откуда она ударит на нас.

— А ведь тогда мне, как я думаю, подсказал дух. Ну, разве же я сам мог увидеть стрельцов, когда своей лодки не было видно? И так случилось много раз...

— А как же стережет дух других казаков? — спросил тот же гигант.

— По разному: разбудит уснувшего казака, когда тому грозит опасность; проведет путника в темную ночь туда, куда надо; предупредит, когда противник близко; укажет, где сидит засада... Да мало ли как! Но всегда он делает это так, как будто казак сам догадался... Мне говорила Соколиха, что дух особенно любит курганы, и будто бы за то, что они так же древни, как и он сам, так же много видели и так же много знают. Он будто бы становится на самом близком от противника кургане. Там, как мне говорила покойница, на перекладине висит у него колокол. В случае опасности он бьет набат. Звон несется по всему полю. Кому дано слышать, тот слышит. А другие начинают готовиться к защите, сами не зная почему... Вот какие дела бывают в степях, вот кто нас сторожит. Если бы не было духа, так давно татары вырезали бы нас...

Иван Карпович смолк. Казаки стали расходиться и укладываться спать. Вскоре весь кош погрузился в крепкий сон. Не спал только Андрей. Он думал о сполохе, о том, как может загудеть колокол духа, как казаки бросятся в городки, как станут готовиться к встрече врага. Мысль его перенеслась в родной городок. Ясно рисовался образ Кати... Крадутся татары... Один из них схватывает ее, брасает через седло и мчит в степь. словно ударом ножа резанула эта картина по его сердцу. Похолодел Андрей...

— Нет, этого не будет, — твердо сказал он.

— Андрей, что ты там бормочешь? — проговорил Иван Карпович. — Не бойся. Катю не отдадим, спи, к полночи тебе надо будет сходить на пост...

Но сам он уснуть не мог.

— Андрей, проснись, — говорил Иван Карпович, толкая своего любимца.

— А? Что?

— Проснись. Я не могу спать. Мне все кажется, что идут татары.

— Татары?

— Да, да. У тебя слух острее, приложись ухом к земле, послушай.

Андрей отошел от коша, лег на землю и попеременно, то правым, то левым ухом, прикладывался плотно к земле.

— Нет, ничего не слышу, — наконец проговорил он и вернулся на кош.

— Я тоже не слышу, но порой мне кажется, что дрожит земля.

Андрей не спал. Он несколько раз отходил от коша, прилегал к земле, прикладывал ладони рупором к уху и подолгу слушал, но не ощутил никаких признаков движения татар. Возвратившись на кош, он сел и стал ждать.

Казаки, расбросанные там и сям группами и в одиночку, спали. Но вот Андрей увидел, как один из них повернулся на бок, потом сел и внимательно стал слушать, глядя в сторону противника, а затем опять лег. Не прошло и несколько минут, как тот же казак поднял голову и снова стал вслушиваться в степь, потом пробурчал что-то и закрылся чекменем.

Лошади, приведенные к кошу с вечера, сгруппировавшись возле спящих казаков, спали. Ближайший серый конь пробудился от дремоты, поднял голову, медленно поводил ушами, тяжело вздохнул и стал щипать траву.

— Странный конь, — подумал Андрей и вспомнил только что слышанный рассказ. Ивана Карповича знал он хорошо и привык верить всякому его слову. И чем больше он думал, тем больше находил доказательств существования духа. Он знал все подвиги своего названного деда, все удивительные случаи в его жизни... Да и сам он много раз, словно повинувшись кому-то или чему-то, обходил засады татар, избегал ударов их сабель, не видя, как они заносились сзади... Теперь все для него становилось ясным...

Недалеко от Андрея заговорили проснувшиеся казаки.

— Василий, ты спишь? — спросил один.

— Кажется, спал. А что?

— Мне приснилось, что будто татары, как испуганный табун лошадей, мчатся через балки, горы, леса прямо к нашему городку.

— Ах, да брось, не выдумывай, спи.

И снова все стихло.

Андрей отошел от коша, прилег к земле и стал слушать. Вдруг он ощутил дрожание земли и плотнее прижался к ней ухом. Ему показалось даже, что он услышал отдаленный глухой, точно раздавшийся глубоко в земле, удар колокола. Он вскочил и побежал к кошу... Иван Карпович уже сидел на земле.

— Ты слышишь, Андрюша? шопотом спросил он.

— Слышу, — взволнованно ответил Андрей.

— Разбуди казаков, а сам беги на пост. Надо предупредить.

Андрей пошел. Звук колокола как будто повторился, и он вдруг не услышал, а скорее почувствовал, ощутил всем своим существом: „татары близко, береги Катю“.

— Кто ты? — испуганно крикнул Андрей. Ему никто не ответил. Звон прекратился.

— Кто там? — раздался с кургана знакомый голос казака.

— Я, Андрей.

— Ты что?

— Татары идут вправо.

— Мы ничего не слышим.

— Идут, зажигай столб.

Казак сбежал с кургана и принял ухом к земле.

— Да, идут, и много, — проговорил он и бросился зажигать столб.

Вспыхнуло яркое пламя и осветило степь. Все сильнее разгорался огонь, все выше в небо летели языки пламени.

Андрей побежал на кош. Вдали загорелись на курганах новые столбы. Начался сполох.

На кошу уже все сидели на конях. Иван Карпович отдавал последние приказания. Казаки, которые должны

были предупредить городки о приближении татар, бросились по разным направлениям.

— Ты будешь при мне, — сказал Иван Карпович прибежавшему с кургана Андрею.

Станица двинулась навстречу татарам. Вскоре начался бой. Татары бросили небольшую часть своих сил против станицы, а сами, не остановившись, продолжали скачку по направлению к городку Б.

Андрей сходил с ума и просил Ивана Карповича разрешить ему одному бежать к городку.

— Не поможешь, — ответил ему тот, — что суждено, то будет. Городок теперь уже на ногах. Он сумеет продержаться до нашего прихода. А к рассвету и мы там будем.

Иван Карпович приказал казакам отступать. Станица, скрывшись в знакомых балках и огорившись от наседавших на нее татар, быстро пошла на помощь городку. К утру прибыли казаки из других городков на условленное место. Но спасти городка Б. все же не удалось. Татар было так много, что они быстро, с налету, со всех сторон окружили его и муравьями полезли на его палисады. Большинство защитников погибло. Остатки казаков, женщины и дети были схвачены и уведены в поле. С сильным прикрытием „ясырь“ был двинут на запад. Главная масса татар, взяв Б., бросилась на соседний городок. Но казаки уже собрались. Начался жестокий бой. Пять дней на Донской Земле лилась кровь. Много погибло врагов, не мало легко и казаков. Уцелевшие татары, прорвав казачье кольцо, стремительно бросились в Крым. Началась обычная в таких случаях погоня.

В день нападения татар Андрей во главе трехсотенного отряда был послан в крымскую сторону с задачей отбить полоняников. Третий уже день казаки ищут следов ясыря. Расбросанные по сторонам разведчики внимательно осматривают траву, исследуют балки, ручьи... Но никаких следов. Татары с полоняниками точно в воду канули.

— Вот сакмы! — крикнул один из идущих впереди казаков.

Андрей бросился туда и стал изучать находку.

— Нет, это не то, что нам надо, — мрачно сказал он. — Здесь не видно человеческих ног.

Исследование, однако, показало, что сакмы проделаны не позже, как вчера.

— Это важно, — заметил Андрей. — Все татарские отряды отодвинуты казаками к северу, и никто из их главных сил попасть сюда не мог. Тут могла пройти только какая-нибудь боковая охрана, посланная с ясырем. Надо искать.

Отряд снова двинулся дальше, снова начались поиски нужных сакм. Уже под вечер справа прискакал казак и сообщил о новой находке следов, при чем сказал, что похоже на то, что трава примята людьми.

Андрей поскакал туда, слез с коня и долго рассматривал сакмы.

— Слишком густая трава, — сказал он, наконец, — нельзя понять, были ли тут люди или нет. Но ясно видны следы конских копыт. Можно думать, что трава примята людьми, между которыми прошли редкие всадники. Если это верно, то главная охрана прошла где-то в стороне.

Не теряя из виду сакм, отряд двинулся вперед. Вскоре он спустился в балку и здесь, на берегу ручья, обнаружил большое количество следов человеческих ног без обуви.

— Вот наши полоняники, — сказал радостно Андрей. — Остается найти прикрытие.

Но наступавшая ночь помешала дальнейшей разведке. Решено было заночевать у ручья с тем, чтобы рано утром двинуться по сакмам дальше.

К полудню следующего дня казаки, наконец, увидели многочисленный отряд татарской конницы, идущий несколько влево от сакм. Ясно, что это было боковое прикрытие, сами же пленные были впереди. Оказалось дальше, что татарский отряд был гораздо мно-

гочисленнее казаков. В открытом бою трудно было его победить, а еще труднее живыми отбить пленных. Надо было неожиданно напасть на непосредственную их охрану.

Андрей развернул в два ряда широкой лавой все свои силы, приказав всадникам идти в шахматном порядке, чтобы их издали казалось больше, и быстро повел на татар, но в первой же балке с большой быстротой собрал их, свернул влево и ушел на юг оставив в балке только небольшую часть своих казаков, которую татары приняли за все его силы. Начался бой. Скрывая свои силы и искусно маневрируя, казаки отходили назад, уводя за собой все дальше и дальше наседавших на них татар.

Андрей, между тем, изменил направление и скакал с казаками на запад, будучи вполне уверен, что отобьет пленных.

Некоторые казаки указывали ему на трудность этого предприятия. Они говорили, что татар в два-три раза больше чем казаков, и как только они обнаружат, что против них в балке осталась только часть сил, оставят против них небольшой заслон, а сами быстро нагонят ясырь и будут защищаться до последнего, а в случае неудачи порубят полоняников.

— Мы этого не должны допустить, — сказал Андрей.

— Но как?

— А там видно будет. Другого способа отбить полоняников у нас нет.

Казаки подехали к Миусу, переправились через него вплавь и быстро пошли по правой его стороне вверх. Скоро они нашли место, где, как можно было установить по множеству конских следов, с неделю тому назад переправлялись большие конные массы, шедшие на восток.

— Это перелаз (брод), — заметил Андрей. — Через него, как надо думать, прошли те татары, что напали на наш городок. Сюда они и пригонят наших полоняников. Будем ждать.

Казаки спрятались в густых перелесках против перелаза. Через некоторое время вдали за Миусом показались группы пеших людей, идущих длинной колонной в сопровождении небольшого количества всадников.

— Главных сил нет, — сказал Андрей своему помощнику. — Если не подойдут, то пленных легко отобьем.

Колонна, между тем, подошла к реке. Первыми прошли несколько татарских всадников, никак, очевидно, не предполагая, что их ждут казаки; за ними побрели полоняники. Расбросанные по колонне татары подгоняли их плетью.

Сильно бьющимся сердцем Андрей наблюдал за переправой. Глазами он искал Катю и не мог найти. Полоняники переправились. Задняя охрана стала подходить к реке. Наступило время действовать. Андрей приказал части казаков напасть на заднюю охрану, когда она войдет в реку, и перебить ее; сам же с остальными казаками бросился к колонне. Передовая охрана была перерублена. Андрей мчался к центру колонны и видел, как татары, шедшие с пленными, стали рубить их. Один из них занес кривую саблю над головой сидевшей верхом на лошади женщины. Андрей бросился на него и срубил ей голову, когда тот еще не успел опустить свою саблю. Как же велика была его радость, когда он увидел, что спасенная им женщина была Катя. Опоздай Андрей на мгновение, она была бы убита.

Не помня себя от счастья, Катя бросилась к нему...

Все татары были перебиты. Казаки посадили полоняников на отбитых у татар коней, а частью к себе на седло и быстро ушли вниз по Миусу.

Пользуясь ночью, Андрей переправил свой отряд через реку и ушел далеко в свои степи...

От Кати он узнал, что сам ханский сын приказал посадить ее на коня, доставить невредимой в Крым, а в случае погони живой казакам не отдавать.

Сергій Савицький (Бразилія).

Дума про Козацьку Долю.

Присвячую І. А. Білому.

ЗАСПІВ.

Була колись у Козацтва
Щаслива Доля.
Була колись... і вернеться
З-за синього моря!..
І вернеться не щербата,
Не в латаній світі,
А щаслива та багата,
Як поле у літі..
Ой криваво сонце волі
Сходило над нами..
Не судилось нам без Доли
Буť в степах панами.
Не судилось... Закотилось..
Чорна ніч настала.
Була воля, хоч кривава,
Тай тії не стало.

I.

Налетіли чорні круки
На степи козачі.
Хоче мати, ломить руки,
Та за дітьми плаче..
Розлетілись її діти —
Блукають світами.
Тяжко, важко в світі жити
Її між ворогами.
Виганяють її з хати,
Добро забирають.
А за добро, бач, заплата:
В ярмо запрягають!..
Вийшла мати на могилу
Та вітра питає:
— Ой скажи мені, мій милий,
Де козак блукає?
Де літають орли мої,
Діти-голуб'ята?
Чи ще довго я їх буду
В степах виглядати?
Чи знайшли Козацьку Долю
За тими морями?
Чи й тепер, як я у горю,
П'ють там з москалями?..
Може діти відщурились
Козацького роду?
Тоді... тоді мій братику,
Хоч з мосту та в воду..
Пощо-ж тоді мені жити?
Кого дождати?..
Не пригорну більш до серця
Рідного дитяти..
Не пригорну перевертня,
Що під серцем мала,
Кого грудьми годувала,
З малку доглядала.

Не на те-ж я їх ховала,
Мов квіточку в полі,
Щоб мене в ярмі лишили
У тяжкій неволі..
Не на те ж я їх ховала,
Щоб мною гордили..
Й гірко мати заридала
На грудях могили..
Вітер буйний обізвася:
— Ні, козацькі діти
Не забули тебе, мати, —
Буде грім гриміти..
А по громі сонце зійде
Чисте, не лукаве.
Із-за моря Доля прийде
Разом з козаками.
Сподівайся, не журися, —
Все мина на світі:
Позлітаються здалека
Твої рідні діти.
Позлітаються до тебе,
До рідної мами,
І пригорнеш їх до себе
Вільними руками.
І розкажуть тобі діти,
Що були між ними
І такі, що забували
Тебе між чужими.
І такі, що торгували
Твоїми сльозами,
Щоб було їм добре жити
В чужині з панами.

І такі були, мов скеля,
Що спин не згинали
І за тебе сміло, палко
Правдоньку сказали.
Що твою шукали Долю
Не в корчмі, не в клутнях,
А у серці козачому
Будили майбутнє..
І як в дзвони задзвонили
Десятого грудня,
І чому той день між ними
Святом став із будня.
Хто дзвонив у дзвони щиро —
Не питав заплати,
Хоч боровся сам з бідюю,
А дзвонить був радий.
Як козацькі отамани..
Та цур їм — дізнаєш:
Як повернуть твої діти,
Ти їх розпитаєш..
Замок вітер... Понад степом
Полетів повіл.
Стоїть мати на могилі
Та чекає Долю.

II.

Ой ти Доле, наша Доле,
Козацькая Доле,
Коли ж вернешся до-дому
У чисте поле?
Коли ж вернешся до степу
З нами, козаками,
Де, без Тебе, кат панує
І оре братами?..
— Ой тоді я повернуся
З вами із-за моря,
Коли в серці козацькому
Буде жити воля.
Коли серце запалиться
Повстати за брата, —
От тоді піду я з вами
На вашого ката!..
Не братайтесь з Москвою,
Час опам'ятатись —
Через неї знов прийдеться
Вам отут топтатись.
Ви не перші через неї
На чужій чужині:
Прочитайте історію
Своїї країни!
Та читайте не очами —
Серцем прочитайте:
Хто був вашим лютим катом —
Відчуєте, пізнайте..
Подивіться ви довкола
По своїй чужині:
Десь-не-десь гай зеленіє,
Ніби у пустині..
Та ще й хочуть отамани
Гаї попалити,
Щоб не було де Козацтву
Серцем відпочити.
Щоб не було де згадати
Про свою недолу
І чого сидять за морем,
Утративши волю.
За що бились з ворогами?
За що кров лилася?
За що мати Козакія
На хрест розп'ялася?..
Як будете повертати
Знову з москалями,
То й не кличте мене, Долю,
Не піду я з вами..
Бо москаль мене заріже,
В землю закопає —
То найбільший розбишака,
Якого світ має.

То є вовк в овечій шкірі:
Йому подай крові!..
В його серці ні крихітки
Немає любови.

Подивіться на цей голод
Що в вашому Краї:
Відколи вже беззупинно
З косою гуляє!..

Це ж його є рук робота...
А чиї ж могили
На степах о помсту кличуть,
Що ви залишили?..

Ви не знаєте?.. Я плачу...
Бодай й не казати...
Та ж якими ще словами
До вас промовляти,
Щоб вам серце розпалити,
Нагріти до біла, —
Щоб не тільки ви словами
Бралися до діла?..

Гріх великий вам тут спати
На волі в чужині:
Треба щиро працювати...
А тоді й до скрині,

Де порохом присипані
Лежать, спочивають
Свідки слави козацької
Та на вас чекають...
Хай же єдність поміж вами
Гуртує ту силу,
Що виведе вас з-за моря
У степ на могилу.
Де козацька мати плаче
І вас виглядає
Та про вас, сердешна, з вітром
Серцем розмовляє.
22—24 березня 1934 р.

Современным Межаковым.

В мартовском (3—125) номере „К. К.“ ген. Науменко обращается к казакам с призывом „объединиться на тех положениях, которые мы вынесли из родных Краев“.

Что же мы вынесли из родных Краев? — Оказывается, что (пишет ген. Науменко) „Воля населения наших Краев изложена в наших казачьих конституциях. Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека еще в 1923 г. объявил „Основные положения казачьей платформы“, составленные на основании конституций Донского и Терского Войск и Кубанского Края. Этим положениям Объединенный Совет следует неизменно до сего времени и призывает казаков к тому же“.

Там же ген. Науменко считает „величайшим злом... то обстоятельство, что мы не можем объединиться в одну казачью семью“... „То обстоятельство, что мы забыли волю населения наших Краев, приводит нас к распылению и отягчает нашу казачью жизнь“, жалуется он на другой странице.

„За последнее время появилось много казачьих программ“, говорит ген. Науменко. „Чем дольше мы живем за границей, тем больше появляется и программ“... — Мы что-то не видим такого множества казачьих программ, сколько их видит ген. Науменко, но доля правды в его утверждении есть и происходит это больше всего потому, что именно сам ген. Науменко никогда не признавал, не считался и не считается с подлинной волей населения своего Края, объединяться около которой он теперь зовет.

Не обошел, конечно, ген. Науменко в своем „обращении“ и вольных казаков (которых он при том ставит неизменно в кавычки). В одном месте ген. Н. „скорбит“, что вольные казаки „проклинают вскормившую мать-Россию и считают русский народ своим злейшим врагом“. В другом месте, поставив вольных казаков на одну доску с „легитимистами“, ген. Н. утверждает, что ему „известен случай когда легитимисты и вольные казаки ищут объединения под главенством одного лица и его находят“. „Это показывает, пробует объяснять ген. Н., что указан-

ные казаки, отбросив свое старое, привычное и в поисках чего-то нового, запутались, а этим пользуются беспринципные люди для достижения своих, совершенно чуждых Казачеству, целей“...

Мы намеренно привели выше всю суть „обращения“ ген. Науменко, в котором многие казаки и сами прекрасно увидят очередной образчик его неискренности и лицемерия.

Не будем повторяться здесь об отношении В. К. к России и к русскому народу, — мы об этом говорили уже много раз и говорили всегда ясно. Если будет нужно и когда будет нужно, скажем и еще, особенно охотно скажем это открыто в глаза самому русскому народу. — И в таких передатчиках и толкователях своих мыслей и заявлений, как ген. Науменко, не нуждаемся и за этим к нему никогда не обратимся.

Удивительную Америку открыл ген. Н. насчет объединения вольных казаков под главенством одного лица. Нам до сих пор было известно, что вольные казаки объединяются около своей программы, около своей Идеи.

Но допустим, что дело обстоит именно так, как это известно ген. Н. Что же тогда, в этом последнем случае, имеет ли право ген. Н. посылать кому либо упреки в объединении или в желании объединиться под главенством одного лица? Разве сам ген. Н., никогда не признававший Кубанской Конституции, всегда боровшийся с ней, не исполняющий ее и теперь, — разве сам он не сделал всего и не делает сейчас все для того, чтобы объединить „русских казаков“, вопреки той самой Конституции, в которой, по его же собственному признанию, изложена воля населения нашего Края, около и под главенством одного лица — себя самого?! Разве сам ген. Н. не пользуется своим положением, чтобы, вопреки воле населения нашего Края (см. предыдущую статью „Кто же извращает волю казачью?“ в № 112 „В. К.“), использовать казаков (вместе с ген. Богаевским) для достижения своих и ген. Миллера целей, совершенно чуждых Казачеству? Разве ген. Н. не старается всеми

силами — опять таки вопреки Кубанской Конституции — сбить казаков с казачьей дороги и снова запутать их на русско-московских проселках, как путал он их по ним не так давно вместе с Деникиным, Врангелем, Покровским, Богаевским и Филимоновым?! — Мы нисколько не сомневаемся, что читатели „К. К.“ прекрасно во всем этом разбираются без того, чтобы нуждались они в каких либо раз'яснениях или комментариях по этому именно поводу.

Не будем останавливаться мы и на „недоумении“ ген. Науменко перед появившимися или появляющимися казачьими программами. Заметим только еще раз, что их далеко не столько, сколько их мерещится генералу Н. — Что сам ген. Н. не имел и не имеет никакой казачьей программы, это ни для кого из кубанцев не секрет. Что теперешние его ссылки на Конституции не введут никого в заблуждение — это тоже не возбуждает ни у кого никаких сомнений — казачья программа Науменко и Богаевского лежит ныне в кармане Миллера, как раньше она была в штабе Деникина — Врангеля — Кутепова. Но для настоящих казаков, не потомков беглых холопов, такие „казачьи программы“ абсолютно не приемлемы. Настоящие казаки ищут Казачью Правду, ищут Казачье решение Казачьего Вопросы, создают подлинную Казачью Программу. Вот почему родилось ВК движение, подхватившее действительно казачье старое и привычное... И, собственно говоря, нет никаких других казачьих программ, кроме одной — Вольноказачьей. Остальные, если они есть, в конечном счете все родственны не казачьей программе ген. Науменко.

Ген. Науменко зовет сейчас казаков к объединению около „Основных положений казачьей платформы“ Об'единенного Совета ДКТ, которую он, Об'единенный Совет, составил якобы „на основании конституций Донского и Терского Войск и Кубанского Края“.

Мы глубоко убеждены, что весьма немногие казаки знают суть „казачьей платформы“ генералов Богаевского — Науменко — Вдовенко, тем более, что авторы ее не особенно часто и сами ее вспоминают. Остановимся, поэтому, на этом вопросе несколько подробнее, чтобы лишний раз подчеркнуть, что „казачья платформа“ не имеет ничего общего с казачьими Конституциями, что, конечно, не хуже нас знают и сами авторы „платформы“.

Мы не имеем под руками Терской Конституции, поэтому в дальнейшем будем пользоваться только Конституциями Донской и Кубанской.

Донская Конституция начинается так (статья 1-я): „Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное Государство, основанное на началах народоправства“. Весь дальнейший текст Донской Конституции является логическим развитием этой статьи первой.

Кубанская Конституция является Конституцией самостоятельной республики — Кубанского Края, в котором „Источником Высшей Вла-

сти... является воля его граждан, выражаемая на представительных собраниях“ (статья 9-я).

Ни в Донской, ни в Кубанской Конституциях нет никакого упоминания о России или о связи Дона и Кубани с Россией, если не считать особой „декларации“ Кубанской Рады, принятой ею одновременно с Конституцией под давлением Деникина — Науменко, о согласии — по своему собственному решению — вступить в будущем в Российскую федерацию наравне со всеми другими народами, буде такая федерация когда либо осуществится, — и отпавшей по нашему глубокому убеждению в результате декабрьско-январьских (1919-1920) решений Кубанской Краевой Рады перед созывом Верховного Круга Дона, Кубани и Терека. (См. подробнее об этом в передовой статье № 112 „ВК“ или статью на стр. 195 книги „Пять лет ВК“).

Точно также, ни Донская, ни Кубанская Конституция не ставили Казачеству задач Всероссийского масштаба.

Из 17 статей „Основных положений казачьей платформы“ „Об'единенного Совета ДК и Т“ только две статьи посвящены казачьему вопросу, вернее — времени ликвидации казачьего вопроса, что внимательный читатель легко увидит и сам из текста статей 7 и 8 (см. „Казачьи Думы“ № 11, 15 октября 1923):

„7. Впредь до образования всенародно признанной Российской общегосударственной власти, существование Дона, Кубани и Терека, как самостоятельных государственных образований на основании их основных законов, и сохранение за ними и в дальнейшем права на землю и недра, на самостоятельность внутреннего устройства и управления“.

„8. Временно, впредь до образования Российской общегосударственной власти, Дон, Кубань и Терек, сохраняя неприкосновенными свои конституции, по вопросам внешних сношений, военным, финансово-экономическим и обще-политическим, действуют объединенно“.

[Как видим, для того, чтобы волею ОСДКТ Казачий Вопрос не был снят с поляка исторического дня, казакам — в интересах своих — следует только желать, чтобы никогда не образовалась „всенародно признанная Российская общегосударственная власть“...].

Остальные 15 статей занимаются не казачьими делами, а исключительно Всероссийскими. Здесь и свержение „Советской власти на территории России“ (ст. 1), и „Воссоздание государственного единства России“ (ст. 2.), и „Установление Российской общегосударственной власти“ (ст. 3.), и „право самого народа (русского. Ред.) разрешить вопрос о форме правления в России и недопустимость насильственного установления ее внутри или извне России“ (ст. 4.), и „внутреннее устройство и управление России“ (ст. 5.), и установление первоначальной временной Российской общегосударственной власти“ (ст. 6), и т. д. — на протяжении всех статей. — По совести говоря, это, конечно, не „основные положения казачьей платфор-

мы", а „основные положения русской платформы“ ОСДКТ, в которой казачьему вопросу отведено весьма мало места.

В каких же это казачьих Конституциях нашли свою „платформу“ современные Межаковы, как это утверждает нам сейчас ген. Н.?

Зачем эта неправда, которая все равно никого не обманывает? Зачем это лицемерие, которого они все равно не смогут скрыть? — И почему это господа генералы не имеют мужества сказать правду в глаза казакам, что в основу своей „платформы“ они положили свои убеждения, а прячутся за Конституции, которых сами первые не признают?

Нет, „основные положения казачьей платформы“ „Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека“ не составлены „на основании конституций Донского и Терского Войск и Кубанского Края“...

Не безинтересным будет только припомнить здесь, что все русские политические группировки, даже те, кому служили и служат наши генералы, решительно и резко отвергли „платформу“ ОСДКТ. Русские люди ведь хотят, чтобы генералы Богаевские и Науменки с казаками пришли к ним без своих программ, — программы составят они сами, им нужна только казачья сила для осуществления тех программ! — Казаки, конечно, это понимают. Вот почему они и не приняли „основных положений казачьей платформы“; вот почему авторы ее постепенно потеряли свой авторитет в казачьих глазах и обречены на политическое одиночество.

Скажем теперь несколько слов и об объединении казаков, о котором сейчас заговорил ген. Науменко.

Было время, когда подавляющее большинство рядовой казачьей массы, правда, „механически“, но все же было объединено около Войсковых Атаманов. Потом, когда казаки начали искать Казачью Правду, в результате размышлений и изучения казачьего вопроса, а также и под влиянием пропаганды самостийников, под влиянием проповеди программы В. К., казачья масса стала собираться под старыми казачьими знаменами Воли и Самостийности. Этому процессу сами Атаманы не могли противопоставить ничего: ни программы, ни своей деятельности. Бездеятельность, политическая беспомощность, с одной стороны, а с другой — отсутствие у Атаманов какой бы то ни было казачьей программы и слишком явная связь с очередным русским генералом, в распоряжение которого они передают казачьи силы, — все это „увело“ постепенно казачью массу от Атаманов, оставив около них всего лишь их единомышленников, т. е. тех, кто, как и они, не ищет и не размышляет, а, доверившись Миллеру или Абрамову, не заинтересованные в решении казачьего вопроса вне вопроса русского, ждут „без разсуждения“ и на том успокаиваются.

И конечно же — только наивные могут допускать, что если раньше, при более благоприятной для себя обстановке, Атаманы не смогли удержать около себя бывших с ними казаков, то теперь, когда казаки от них ушли, им, по существу — бывшим Атаманам, удастся собрать их вновь.

Около кого можно собрать казаков и около чего можно объединить их? Кого можно собирать вместе и кого можно объединять?

Нельзя объединяться неизвестно зачем. Нельзя объединяться для того, чтобы ничего не делать, нельзя объединяться для того, чтобы отказаться от своего я... Да и по существу пассивные или отрицательные задачи не объединяют. — Мы можем взять на себя совершенно спокойно смелость утверждать, что если бы случилось невозможное и казаки вновь собрались бы около ген. Науменко — он не знал бы, что с ними делать. И снова они отошли бы от него, как разошлись теперь...

Раньше, чем объединяться, надо знать (решить), зачем объединяться. Объединить можно только единомышленников. — А чтобы создать или найти единомышленников, нужна предварительная — иногда очень большая — программная и идеологическая подготовка.

Нельзя к одному и тому же делу привлекать разномыслящих — потянут в разные стороны и само дело погубят.

Нам кажется, что ген. Науменко так и не понял (или не хочет понять?), почему оставили его казаки. как не хотел он много думать и перед тем, как обратиться теперь к казакам с призывом к объединению. Ген. Науменко не только не имеет казачьей программы, но, как нам кажется, и иметь ее не будет. Ген. Науменко ничему не научился за годы эмиграции, остался тем, чем был на Кубани, не обнаружил ни малейшего желания исправить свои тяжкие грехи перед Казачеством. Наоборот, чем дальше, тем его фигура и истинная роль в прошлых событиях вырисовываются все непригляднее...

Призывы к объединению казаков слышались иногда с разных сторон. К сожалению, авторы их не всегда продумывают вопрос до конца. Мало сказать, что „если бы Казачество действовало дружно, объединенно и согласованно в 1917—1920 годах, то нам не пришлось бы быть в эмиграции, а нашим братьям мучиться в неволе, умирать тысячами от расстрелов и голода, изнывать и гибнуть в Сибири и на Соловках“... Можно дружно тратить свои силы и... себе во вред (что в действительности почти и было в 1918—1920 годах)...

Конечно же Казачество проиграло войну 1918—1920 г.г. потому, что в среде его существовало „русское течение“, представителями и вдохновителями которого еще и сейчас являются генералы Богаевский и Науменко. Это они втянули Казачество в борьбу двух России: России красной и России „белой“. Это генералы Науменко и Филимонов оставили Кубань без своей Армии. Это „русское течение“ среди ка-

заков оставило все Казачество без своей единой казачьей Армии... В сентябре-октябре 1919 года большевические армии буквально висели на волоске, они близки были к полному разгрому (чего не скрывает и большевическая военная литература). И будь казачьи военные силы объединены в одних казачьих руках, служившие эти силы только казачьим интересам, большевики никогда не захватили бы Казачьих Земель. Они были бы разбиты еще успешнее, чем сделали это меньшие, в сравнении с казачьими силами, армии финнов, эстонцев и латышей; как были они разбиты в 1920 году поляками. Победа поляков над большевическими армиями на Висле, у самой Варшавы, была достигнута количественно меньшими силами, чем зимою 1919—1920 года могли выставить Дон, Кубань и Терек!.. Если бы Деникин и „русские казаки“ — Харламовы, Богаевские, Филимоновы, Науменки и им подобные — своей русской политикой не деморализовали кубанских казаков, разве та огромная военная сила, которая „сдалась“ большевикам весною 1920 г. около Сочи, разве она не была вполне достаточной для того, чтобы изгнать большевиков из всех Казачьих Земель?... Надо же было, чтобы русские „верхи“ Казачества довели его боевые силы до того состояния, в каком мы видели их на Черноморском побережье!..

А теперь ген. Науменко зовет казаков к объединению около себя после того, как они от него ушли, когда узнали его ближе, когда постепенно раскрыли дела его в прошлом на благо Деникина и на гибель Казачества... И зачем зовет: для повторения прошлого!

Вместо объединения около ген. Науменко, мы позволим себе поставить ему несколько вопросов, и пусть он ответит, если не нам, то хотя тем казакам, которых он хотел бы объединить около „положений, которые мы вынесли из родных Краев“.

Итак, господин генерал, ответьте:

1. Присягали ли Вы исполнять законы, изданные Кубанской Краевой Радой, или не присягали?

2. Если присягали, то исполнили-ли Вы свою присягу в отношении проведения в жизнь закона — казачьего закона! — об организации Кубанской Армии (будучи военным министром), или не исполнили?

3. Заявили-ли Вы потом, как кубанский военный министр, 14 сентября 1919 г. в заседании Кубанской Законодательной Рады (в Екатеринодаре), что Вы Кубанской Армии не организовывали и организовывать не будете (а шли Вы в военные министры именно для организации Кубанской Армии), или Вы этого не заявляли?

4. Были ли Вы после этого заявления открытым поименным голосованием Законодательной Рады удалены с поста военного министра, или не были удалены?

5. Подготавливали ли Вы в октябре-ноябре 1919 г. государственный переворот на Куба-

ни и расправу с Кубанской Краевой Радой, или не подготавливали?

6. Был-ли, после предварительной Вашей подготовки, с Вашего согласия и согласно Ваших советов, произведен переворот на Кубани русскими генералами при полном бездействии б. Атамана Филимонова, или такого переворота не было? — Был-ли при этом повешен борец за казачью долю А. И. Кулабухов или не был повешен?..

Вы долго уклонялись от прямого и открытого ответа на эти вопросы. Мы думаем, что казаки вправе получить, в конце концов, ответы на такие вопросы от человека, который хочет вести их еще раз по старой дороге г и б е л и...

Время недоговоренностей прошло. В интересах будущего Казачества пора говорить правду. Гибельного прошлого повторять не можем. Сил казачьих тратить на чужое, не казачье, дело не можем...

Вы нам все твердите, что казачьих сил слишком мало, чтобы можно было делать с ними Казачье Дело. Ну, а на Всероссийское дело под Вашим водительством их хватит?..

Из истории освободительных движений других народов можно привести много примеров, доказывающих, что освободительные армии создавались часто небольшим количеством хорошо подготовленных патриотов, знающих, что и ради чего они должны делать.

Мы все еще хорошо помним роль латышских стрелков в рядах красных русских сил, но одновременно у других латышских стрелков — латышских патриотов — нашлось достаточно сил, чтобы создать молодую латышскую национальную армию и отстоять и спасти Латвию.

Были в красных рядах и эстонские полки, но нашлись и эстонские националисты, которые, организовавши свои силы, спасли Эстонию.

Так было и с Польшей. Разделенная между тремя могущественными государствами, разделенная и разоренная фронтами Мировой войны, Польша выделила легионы польских патриотов и — победила. На мало поляков было и в рядах большевиков, но победил польский националист Пилсудский и проиграл польский интернационалист Дзержинский.

Национальная, патриотическая Польша победила интернациональную красную Россию. К сожалению, мы, казаки, не смогли или не сумели организовать тогда надлежащим образом свои национальные силы и были биты теми, кого били все другие националисты. Так велика сила национальной идеи.

Будем же помнить и мы, что в борьбе за освобождение побеждают национализм и патриотизм. Так было у других, так будет и у нас, казаков, равно как и у других народов, несущих тяжкий крест советской неволи. Надо только каждому народу ставить свои ясные национальные цели и все свои силы посвящать их осуществлению.

Но как только мы, в. казаки, ставим себе эти цели, так и выясняется сейчас же, что це-

ли у нас и цели у генералов Богаевских и Науменок разные, а значит, невозможно у нас с ними и им подобными никакое объединение.

Было время, когда некоторые казаки пита-ли некоторые иллюзии относительно ген. Науменка (в противоположность ген. Богаевскому, относительно которого ни у кого никогда никаких иллюзий не было). Иллюзии эти давно уже рассеялись, с одной стороны — благодаря раскрытию подлинной его роли в прошлом (весьма нехорошей и для Казачества вредной!), а с другой — благодаря его теперешнему поведению, не только противоречащему подлинной „воле населения наших Краев“, но и несовместимой с тем постом, на который его когда-то казаки выбрали, и на котором он давно уже забыл (а может,

и вообще не знал!) о тех надеждах, какие возлагали на него выбиравшие его...

Да, огромной ценою платим мы за свои ошибки, за неумение защищать свои Земли так, как надо. Да, дорогою ценою платим мы за нейтралитет 1917 и начала 1918 года, за наш „союз“ с ген. Деникиным. Да, нам придется еще основательно проработать свою программу будущей борьбы... А главное — хорошо ее готовить по всем „направлениям“: внутренним и внешним, идейно-программным и материальным.

Не надо закрывать от себя того, что Казачество понесло колоссальные потери, как в людях, так и в имуществе, но оно еще сильно и жизнеспособно, живо и будет жить.

Казакия — будет.

Парад „русских казаков“ перед русскими эмигрантскими организациями.

Итак, ген. Богаевский созывает с'езд „русских казаков“ в Париже 20—21 сего мая (если и на этот раз не отложит по каким нибудь „непредвиденным“ обстоятельствам).

Кто созывается и зачем созывается? — Пока можно ответить только на первый вопрос. На второй вопрос — зачем созывается этот с'езд — отвечать еще рано, т. к. ни цель, ни программа с'езда простым смертным пока неизвестны.

Большой вопрос: имеет ли цель и программу своего с'езда сам Богаевский? Если имеет, почему скрывает? — Мы не совсем уверены, что он эту программу имеет. Нельзя же считать за программу с'езда „призыв“ его „помочь“ ему „наладить дальнейшую жизнь“ (сколько горьких слов могут сказать ему в ответ на это казаки!) или „зов“ на „мирную дружную беседу“ (см. „В.“ № 3240 от 17 апреля).

По нашему, с'езд этот созывается исключительно для очередной манифестации „русских казаков“ под водительством ген. Богаевского перед русскими эмигрантскими организациями. Кто не верит, пусть прочтет в „В.“ от 29 апреля (№ 3252) список „приглашенных“. Там он найдет, что ген. Б. приглашены „присутствовать на с'езде старшие руководители Р. О. В. С., Военно-Морского союза, Зарубежного союза русских военных инвалидов и представители общерусских эмигрантских организаций“.

— Казаки ушли от ген. Богаевского. Тем самым пал его кредит у русских „старших руководителей“. Вот и нужна „беседа“ для демонстрации своих сил и восстановления утраченного положения. Это и есть та „помощь“ „наладить нашу дальнейшую жизнь“, о которой пишет Богаевский в „Возр.“ 17 апреля.

Вероятно найдутся еще „русские казаки“, которые ему эту помощь окажут, но мы не верим, чтобы их было много, и мы знаем, что те казаки, которые пойдут „помогать“ обанкротившемуся Богаевскому, не будут делать там казачьего дела.

Кто же будет парадировать 20—21 мая в Париже перед русскими „старшими руководителями“?

Кто — это увидим тогда, пока же предполагаются к участию (см. „В.“ № 3252):

„а) войсковые атаманы и их заместители, а также б. атаманы всех казачьих войск, б) председатели войсковых правительств, в) члены Казачьего Совета, г) командир Донского казачьего корпуса и начальник Кубанской казачьей дивизии, д) члены комиссии по созыву общеказачьего с'езда, е) делегаты, избранные казачьими организациями, ж) делегаты от казаков одиночек, проживающих в Париже и его окрестностях“.

— Словом, это не будет общеказачий с'езд.

Вольным казакам.

Настоящим объявляю, что впредь до особого распоряжения образование новых вольноказачьих организаций во Франции, Югославии и Болгарии может происходить только с предварительного согласия Окружных Атаманов, а во всех остальных странах — с предварительного согласия моего.

То же самое относится и к принятию новых членов в уже существующие организации.

Всякие с'езды вольных казаков и образование новых Округов ВК могут происходить только с моего предварительного разрешения.

Инж. И. Билый.

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть II.

(Декабрь 1918 — июнь 1919).

(Продолжение).

Весенняя кампания.

Начавшаяся в феврале 1919 г. перевозка Кубанских и Терских дивизий на Дон вызвала в Москве большое волнение. 20-го февраля за № 1038/Н главнокомандующий вооруженными силами Сов. России, Вацетис, телеграфировал командующему противобукаинским фронтом, Антонову-Овсенко, между прочим следующее:

„После разгрома нашей Кавказской XI армии враг имеет возможность перевезти в Донецкий бассейн значительные силы, упорством которых задерживается наша успешная операция против Дона.

... На южном фронте имеется возможность в самое короткое время добиться решительных успехов на флангах фронта (Донецкий бассейн и р. Маныч). Прежде всего надо за всякую цену в ближайшее время победить врага в Донецком бассейне. Необходимые силы приказано там сосредоточить командующему южным фронтом, но для большей уверенности в решительной победе прошу вас выделить из состава украинского фронта все свободные силы и перевести их в Донецкий бассейн. Операцию в Донецком бассейне предполагается осуществить в ближайшие дни под непосредственным руководством команд. фронтом Гитгиса“... („Летопись Революции“, 1931 № 1-2, стр. 112-113).

Как видим, для усиления 4-х красных армий, действовавших против Казачества, требовалась переброска большевистских войск, воевавших против Украины.

Командующий противобукаинским большевистским фронтом, Антонов-Овсенко, наступал в это время одной бригадой Заднепровской дивизии в направлении на Крым, другая бригада (Махна) наступала на Бердянск и группа войск Григорьева на Херсон и Николаев. Войска Григорьева 26 февраля взяли Херсон, 3 марта — Николаев и, наконец, 24 марта — Одессу.

На Крымском направлении 1-го марта большевики заняли Мелитополь, 14-го уже вступили в Крым, 27 марта взяли станцию Джанкой, а 5 апреля пал Севастополь.

На третьем направлении — 2 марта взяли Бердянск, 4 — Волноваху, 16 — Мариуполь и направились далее на Таганрог (там же, стр. 114-148).

Только самая узкая часть Крымского полуострова у Керченского пролива в начале апреля осталась в руках Деникина. Свою повесть о полном провале акции русских людей в сторону Украины Деникин заканчивает такими словами:

„Там, на Акманайских позициях, устроенные и переформированные в дивизию части бывшей Крымско-Азовской армии, поддерживаемые с Черного и Азовского морей огнем орудий русского и союзного флотов, главным образом, английских, в течение двух месяцев отстаивали упорно последний клочок Таврического полуострова“... (Деникин. Очерки рус. смуты, т. V, стр. 66).

Ставка Деникина на союзников была проиграна. Еще недавно Деникин провозглашал населению Крыма: „... Мы пришли к Вам по дороге в Москву“ (см. „К населению Крыма от Добровольческой армии“ 23 января 1919 г.), еще недавно Деникин собирался перенести в г. Севастополь свою ставку, еще недавно он торжественно провозгласил существование Крымско-Азовской армии и в ее состав, а не в Донскую армию, включил дивизию Май-Маевского; еще недавно Деникин хвастался перед союзниками, что мобилизация населения в северной части Таврической губ. прошла успешно, а теперь белые русские вожди временно притихли на Казачьих Землях и за спиной казачьих полков продолжают делать свое дело.

Бои 1-й половины марта месяца.

Что делал в это время русский народ, от имени которого русские эмигранты продолжали лепетать во всех столицах государств Европы несвязные речи: о его страшной ненависти к большевикам, о скорой победе белого движения и т. д.? Что делало красное русское Правительство, сидевшее в Москве?

28 февраля 1919 г. красный русский главнокомандующий приказал:

„Обстоятельства внешней и внутренней политики, а также стратегические обстоятельства на юге требуют в ближайшее время решительной победы над врагом в районе Донецкого бассейна и Северного Кавказа. Прежде всего ставлю категорическое требование разбить врага в районе Донецкого бассейна. Это есть задача общих усилий южного и украинского фронтов. Поэтому приказываю сосредоточить против Донецкого бассейна максимум войск для того, чтобы создать благоприятные условия для настоящего решительного боя для нас в отношении количественного превосходства над врагом. Действия должны иметь категорический и решительный характер... Непосредственное руководство операцией против Донецкого бассейна возложено на командующего Южным фрон. Гитгиса. № 822/Ш.“ („Летопись Революции“, 1931, кн. 1-2, стр. 114).

Подобные приказы красное командование повторяло и потом. Осуществляя эти требования, Гитгис приказал: 8-й армии сосредоточиться на участке Веселогородск—Луганск, Луганская—Митякинская для наступления на Новочеркасск, 9-й и 13-й в целях обеспечения наступления занять более широкие фронты, а именно: 9-й от устья р. Донца до Митякинской, а 13-й до Гундоровской включительно. (Егоров. Разгром Деникина, стр. 82). Вследствие этой директивы 8-я армия должна была с левого берега р. Донца переправиться на правый берег этой реки и вместе с левым флангом 13-й армии ударить в направлении Новочеркасск—Ростов.

В свою очередь, ген. Деникин 2-го марта дал армиям следующие основные задачи:

1) Продолжать переброску войск с Кавказа в Донецкий бассейн,

2) активно обороняться на западном фронте Донецкого бассейна (ген. Май-Маевский), а также по р. Донцу и Дону (Донская армия), правым флангом Кавказской армии (кубанцы и терцы) и левым флангом Донской нанести удар главной массе противника, направляя его на фронт Дебальцево—Луганск;

3) группе генерала Кутепова, по сосредоточении, совместно с правым флангом Донской армии наступать в Царицынском направлении, имея ближайшей целью отбросить большевиков за р. Сал. (Деникин. Очерки рус. смуты, т. V, стр. 75-76).

В состав ударной группы Деникин ввел корпуса генер. Коновалова (донцы), ген. Покровского (кубанцы и донцы) и ген. Шкуро (кубанцы и терцы). Как видим, ударная группа составлялась исключительно из казачьих частей трех Войск: Кубанского, Донского и Терского.

„Таким образом, говорит большевистский исследователь военных действий Егоров, обе стороны имели одну и ту же цель, что определяло весьма упорный характер борьбы на Донецком театре военных действий в продолжение всей весны 1919 г.“ (цит. работа Егорова, стр. 82).

На фронте Дебальцево—Луганск началось состязание сил России с силами Казачества. Для решительного удара на сравнительно коротком фронте красная

Россия сосредоточила в то время весьма большие силы, а белое командование для нанесения контр-удара поставило не добровольцев русских, героизм которых Деникин и прочие русские пропагандисты превозносят до небес, а стальные казачьи полки.

Уже в конце февраля части войск большевицкой ударной группы повели наступление со стороны г. Луганска по правому берегу р. Донца, ведя фронтальные атаки на донскую группу войск ген. Коновалова. При чем 8-я большевицкая армия начала переправляться в районе ст. Калитвенской на правый берег р. Донца с целью захватить железно-дорожные узлы Зверево—Лихая, находившиеся в тылу войск ген. Коновалова. Несмотря на все огромные усилия красного командования провести намеченную операцию и захватить Новочеркасск, большевицкие полки встречают героический отпор со стороны воспринявших духом донских полков. 28 февраля донские войска разгромили и отбросили за р. Донец большую группу большевицких войск, переправившихся в районе ст. Калитвенской на правый берег р. Донца. 28 февраля — 6-го марта донские части вели весьма упорные бои с наступающими русскими большевицкими полками в районе Дуванной, Таловой, Липовки. 6-го марта у Большого и Малого Суходола донцы разгромили 6 лучших большевицких полков, обратили их в бегство и преследовали до темноты. О тяжести этих боев свидетельствуют сводки, говорящие о многократных штыковых атаках. 8-го марта на этом фронте большевицкие атаки замерли. Большевицкий прорыв в этом районе не удался. Станции Зверево — Лихая надежно были прикрыты донскими частями. Еще 4-го марта донские части группы ген. Коновалова и отряда Тусевича занимали большой район от станции Каменской до станции Колпаково.

В первых числах марта в районе Ровеньки—Должанская сосредоточились полки под командованием ген. Покровского. Одновременно с упорным наступлением в Луганском районе, советское командование начало готовить операцию по прорыву между группой, обороняющей каменноугольный район и Донской группой, прикрывавшей узел Зверево — Лихая. План этот, в случае успеха, сулил советскому командованию большие результаты, так как дал бы им свободу маневрирования против флангов обеих наших групп, что могло бы принудить нас к очищению каменноугольного района и района, прикрывающего узел Зверево—Лихая. Слабой стороной этого плана было то, что, продвигаясь на юг, красные подставляли свой левый фланг под удары Донских частей из Луганского района. Советское командование учитывало эту опасность и, не добившись оттеснения Донских частей на восток, прикрывшись с этой стороны сильным заслоном.

К 6-ому марта, сосредоточив огромные силы и технические средства, красные начинают наступление на шестидесятиверстном фронте от ст. Фашевки до сл. Павловки (оба пункта по жел. дороге Дебальцево — Зверево).

Наступление это на участке сл. Картушино — Павловка — хут. Курячий (к северу от жел. дор. участка Щетово — Ровеньки) разбивается в пятидневных боях, с 7-го по 12-ое марта о железную стойкость Кубанских частей, и 12 марта натиск красных в этом районе ослабевает. (Данные взяты из военного обзора, помещенного в № 9, за 20 марта 1919 г., в газете „Кубанское Слово“).

Как видим, большевицкая ударная группа, состоявшая из лучших московских войск центра и левого фланга 13-й большевицкой армии и всей 8-й армии, разбилась о стальные казачьи полки. Только на фронте ген. Май-Маевского большевики имели успех: 4-го марта партизаны „батяка“ Махна взяли узловую станцию Волноваха и направились далее в обход левого фланга корпуса ген. Май-Маевского в общем направлении на ст. Иловайскую и на г. Таганрог. В центре корпуса ген. Май-Маевского большевики взяли станцию Гришино, и 4-го марта уже шли бои за обладание станцией Юзово. В этот же день было приказано подготовить к эвакуации и г. Дмитриевск, находящийся к востоку от ст. Юзовка. Серьезное поражение понес корпус ген. Май-Маевского и на правом фланге, где большевики успели захватить линию Дебальцево-Чистяково и

направлялись уже на станцию Иловайская с северо-востока.

Как видим, корпус ген. Май-Маевского за весьма короткий промежуток времени успел понести весьма серьезное поражение на обоих флангах и в центре, при чем противник уже охватывал оба фланга этого корпуса.

Ген. Деникин, восхваляя боевую деятельность этого корпуса в описываемый период боев, говорит:

„На западном фронте в совершенно исключительной обстановке корпус ген. Май-Маевского (на крайнем левом фланге его в районе Мариуполя был сводный отряд ген. Виноградова из сводно-гвард. полка и частей бывшей на Дону расформированной „Южной армии“) вел „железно-дорожную“ войну.. Пользуясь густою сетью жел. дор. Донецкого бассейна, он занимал небольшими отрядами важнейшие пункты по линии фронта и держал в тылу на узловых станциях бронепоезда и в вагонах подвижные резервы, которые бросались в угрожаемом направлении, с тем, чтобы на другой день, иногда в тот же, перебраться в противоположный конец фронта. У противника создавалось впечатление нашей силы... Недели, месяцы — по всему фронту гремели выстрелы, станции переходили из рук в руки, лилась кровь, Добровольческие части таяли, но продолжали бороться.

Волна советских войск, захлестнувшая уже северную Таврию, заливаяшая Донецкий бассейн, спадала опять — разбитая и распыленная“. (Деникин. Очерки русской смуты, т. V, стр. 76).

Если поверить этому повествованию, получится впечатление, что добровольческие части сами успешно защищали обширный Донецкий бассейн, что „волна советских войск, захлестнувшая уже северную Таврию, заливаяшая Донецкий бассейн, спадала опять — разбитая о распыленную“ именно доблестью войск ген. Май-Маевского.

Как было дело в действительности, а не в изложении ген. Деникина?

Мы уже отметили выше, основываясь исключительно на опубликованных и еще не опубликованных документальных данных, что в первых числах марта 1919 г. именно корпус ген. Май-Маевского понес весьма серьезные поражения, в результате которых он тогда уже был охвачен большевиками с обоих флангов и далеко отступил в центре. Станцию Юзовку, что лежит на самой границе Донской Области и Екатеринославской губ., ген. Май-Маевский занимал с декабря 1918 г. Штаб ген. Май-Маевского находился на узловой станции Криничная. Как видно из оперативной сводки за 4 марта, Юзовка в этот день переходила из рук в руки и город Дмитриевск, находившийся, примерно, в 15 верстах к югу от ст. Криничная и в стольких же верстах к востоку от ст. Юзовка, готовился к эвакуации. Эти факты свидетельствуют о том, в каком критическом положении находилась войска ген. Май-Маевского.

Из выше приведенных слов Деникина видно, что из этого весьма тяжелого положения корпус ген. Май-Маевского вышел собственными усилиями.

Правду ли пишет ген. Деникин?

За ответом обратимся к документальным данным. 9-го марта 1919 г. временно командующий Кавказской армией, русский ген. Юзефович, издал следующий приказ:

„Генералу Покровскому — Должанская. Генералу Шкуро — Ровеньки. Ввиду продвижения противника в обход правого фланга 2-го армейского корпуса (ген. Май-Маевского) и создающейся угрозы линии Иловайская, приказываю группе ген. Покровского в составе: 2-я Донская, 1-я Кубанская, 1-я Кавказская и 1-я Терская дивизии и отряда полковника Тусевича отбросить противника, занимающего Суходол — Щетово, левым флангом нанести решительный удар противнику, прорвавшемуся за правый флаг 2-го армейского корпуса в направлении на Софьино — Бродскую и окончательно разгромить его, после чего выполнять основную задачу согласно дирек-

та (см. Гражданская война 1918-1921), если эти задачи сопоставим с тем, что в действительности происходило на поле русско-казачьей брани в первой половине марта, мы можем констатировать, что все усилия красных армий Южного фронта разбились о доблесть и героизм казачьих полков. Там, где большевики наносили главный удар — линия г. Луганск — Новочеркасск, — они не достигли цели. Больше того, видя плачевные результаты больших усилий своих армий, Москва явно заколебалась в своих намерениях, и главное командование телеграммой № 155 14 марта приказывает южным армиям перейти... к обороне (Егоров. Разгром Деникина, стр. 83).

Таковы были первые результаты столкновения русских сил с объединенными казачьими силами трех Войск.

Бои 2-й половины марта 1919 г.

Однако, совершенно неожиданные для советского командования успехи красных украинских партизан на фронте корпуса ген. Май-Маевского и особого отряда ген. Виноградова, достигнутые в феврале-марте месяцах, настолько ободрили командующего Южным фронтом Гиттиса, что он решил не выполнять приказание Москвы о переходе к обороне и наметил новый план боевых действий на подчиненном ему фронте: он решил обрушиться двойным охватом через Рутченково (южнее Юзовки) и Колпаково на более слабый корпус ген. Май-Маевского, выставив заслон со стороны казачьих войск Покровского. 15 марта Гиттис приказал 13-й армии перейти в наступление с рассветом 16 марта (Егоров. Разгром Деникина, стр. 83).

По поводу этой операции ген. Деникин говорит: „В середине марта, после переброски новых крупных советских сил, наступление на этом фронте возобновилось с особенной силой в направлении Дебальцево, Гришина и Мариуполя... Мы оставили Юзово, Долю, Волноваху, Мариуполь“ (Деникин. Очерки, V, 76). Словом, на всем протяжении фронта от Дебальцево до Азовского моря войска Май-Маевского и Виноградова отступали. Приказ Гиттиса о переходе в новое наступление с 16-го марта сулил большевикам, видимо, успехи.

Однако, радужные надежды большевицкого командования вскоре рассеялись.

В то время, когда Май-Маевский и Виноградов отступали на фронте Мариуполь — Дебальцево, казачья дивизия на фронте Дебальцево — р. Донец совершенно неожиданно для большевицкого командования перешли в самое решительное наступление на фронте около 100 верст и скоро расстроили планы большевицкого командующего Южным фронтом Гиттиса. По поводу действий казачьих частей в это время в большевицкой военной литературе читаем, например, следующее:

„... Этот контр-маневр противника (казаков) срывает намеченную операцию. Части 8-й армии (две дивизии) вынуждены изменить свое направление, и вместо действий против Май-Маевского с севера они бросаются командованием Южного фронта на Луганское направление против Покровского.“

В свою очередь изменение плана намеченной операции поставило 13 армию и группу Махна в тяжелое положение“ (Егоров, стр. 84).

После ряда весьма упорных и тяжелых боев Донцы 18 марта ворвались в г. Луганск, а Кубанцы заняли Штеровку, Петровеньки, Поповку и Красный Кут.

19-го марта „в связи с развивающимися успехами Донцов и Кубанцев ген. Май-Маевский не приводит в исполнение своего решения об отводе войск западного участка“. В тот же день Май-Маевский приказал дивизии Шкуро взять Дебальцево. На помощь Май-Маевскому передается 2-й Донской пластунский батальон, отправленный из Ростова.

20 марта большевики перебросили в район г. Луганска значительные силы и оказывали упорное сопротивление, ведя ожесточенные контр-атаки. В этом районе действовали 1-я, 2-я и 8-я Донские дивизии. Ударная группа Коновалова, атакованная 20 марта превосходящими силами противника, после упорнейших боев

и контр-атак принуждена была отступить на линию Николаевка — Глафировка — М. Николаевка — Орехов. Части понесли большие потери.

Кубанцы Покровского заняли Фашевку — Городище. Противник старался охватить правый фланг Покровского, и требовалась срочная помощь Донцов из Николаевки.

В районе ст. Горловка — с. Государев Буерак Кубанцы и Терцы 20 марта лихими конными атаками опрокинули и рассеяли до 6 полков пехоты красных.

21 марта противник силою до 3-х дивизий перешел в наступление на фронте Анновка — Селезневка — Адрианополь — Чернухино, развивая его особенно интенсивно на участке Уткин — Городище — Фашевка. Вынужденные оставить Городище, Кубанцы сами перешли в наступление, выбили противника из Городища и гнали его до Адрианополя.

22 марта отмечены весьма тяжелые бои на фронте 1-й Кубанской дивизии с большевицкими полками, наступавшими на Колпаково.

После ряда упорнейших встречных боев сопротивление большевицких армий снова было сломлено, и 26 марта Донцы энергично наступали в общем направлении Шмитовка — Родаково, а Кубанцы на Алчевскую — Алмазную.

Казачий рейд.

Обратимся теперь к западному фронту Донецкого бассейна. Под ударами партизан „батька“ Махна и 7-й красной дивизии ген. Май-Маевский и ген. Виноградов оставили железно-дорож. линию Юзовка — Мандрыкино — Доля — Волноваха — Мариуполь. Несмотря на блестящие победы казачьих дивизий на стоверстном фронте от Дебальцево до Луганска, части ген. Май-Маевского не были в силах оказывать необходимое сопротивление красным партизанам, хотя здесь и была сосредоточена „надежда России — Добровольческая армия“ (слова из Указа Донского Круга 4 февраля 1919 г.). Эта „надежда России“ представляла из себя остатки Крымско-Азовской и Южной армий, как-то незаметно прекративших свое существование. Махно тем временем занял ст. Ново-Николаевскую, что лежит между Мариуполем и Таганрогом, захватил Безымянку, Бешеву и уже находился в 7 верстах от Кутейниково. Единственная железная дорога, идущая на север от г. Таганрога, оказалась, таким образом, под непосредственной угрозой захвата противником. Для охраны жел. дороги Таганрог — Иловайская пришлось срочно перебросить Донской батальон.

Что мог сделать ген. Деникин в это время для оказания помощи добровольческим полкам? — Деникин дал „задачу коннице Шкуро ударить по тылам западного фронта“ и тем, собственно, спасти полки ген. Май-Маевского. (Деникин, V, 76). Только 17 марта Кубанцы и Терцы корпуса Шкуро взяли ст. Дебальцево и выручили из беды правый фланг Май-Маевского, а 20 марта „лихими конными атаками, как говорит сообщение Кавказской армии, опрокинули и рассеяли до 6-ти полков пехоты красных“ в районе станции Горловка. Далее сводка штаба Кавказской армии сообщает о том, что 22 марта „доблестные Терцы и Кубанцы лихими атаками выбили противника из Скотоватой и Новобахмутовской, после чего добровольцы окончательно закрепили эти пункты за нами“.

Просто замечательное сотрудничество двух сил — русской и казачьей: казаки лихими конными атаками выбивают пехоту противника, а добровольцы „окончательно закрепили эти пункты за нами“. Если бы казаки выбили противника из самой Москвы, то, очевидно, добровольцы не отказались бы и Москву „закрепить окончательно“.

23 марта Кубанцы и Терцы заняли Никольское и в тот же день — Очеретино. Офиц. сообщение штаба главнокомандующего Вооруж. Силами Юга России от 26 марта 1919 г. сообщало:

„В Юзовском районе с утра 24 марта Терские и Кубанские части, перейдя в наступление от с. Никольская, вышли в глубокий тыл красным, расположенным на линии ст. Юзово — Юзовка — ст. Караванная, и заняли села Красная Горка,

Старо-Михайловка, Марьевка, ст. Доля и с. Еленовка"; 25 марта заняли Владимировку и Благодарное..."

Потом казаки заняли г. Мариуполь, дошли до реки Берды и заняли Стародубовку и Николаевку на этой реке.

Сообщение штаба Кавказской армии говорит:

"В связи с блестящими действиями Кубанцев и Терцев добровольческие части к вечеру 25 марта выдвинулись на линию: станция Юзовка-селение Красная горка-станции Мандрыкино и Доля, вновь овладев таким образом Юзовским районом".

Словом, из Скотоватой казаки выбили противника, а русские добровольцы "закрепили" этот пункт; казаки взяли у противника Мандрыкино и Долю, а после этого этими же станциями добровольцы "овладели". Даже ген. Деникин принужден признать большое значение этого казачьего рейда по тылам противника:

"В течение двух недель — с 17 марта по 2 апреля — он (Шкуро) прошел от Горлова до Азовского моря, наводя страх на большевиков, разогнав, порубив и взяв в плен несколько тысяч человек, бронепоезда и другую военную добычу... По мере продвижения конницы и одновременно с нею переходили в наступление войска генералов Май-Маевского и Виноградова, вновь занимая утерянную временную линию" (Деникин, V, 76—77).

Почему казацкие конные полки в короткое время могли ликвидировать целый большевистский фронт от Горловки до самого Азовского моря, могли брать бронепоезда, пушки, пулеметы, тысячи пленных и т. д. именно у тех войск, перед которыми отступила Крымско-Азовская армия, перед которыми отступала часть этой армии — войска Май-Маевского?

Казачий удар по тылам большевистских войск вызвал небывалый переполох среди большевистских верхов. Беспрерывно стучал телеграф. Сам Ленин требовал от командующего противобукарским фронтом Антонова-Овсеева немедленной отправки против казаков двух новых дивизий (около 30-ти тысяч человек). Но у Антонова-Овсеева не было резервов. Велись усиленные переговоры о том, что можно послать против казаков с Крымского, Румынского и западного фронтов. Командующий 2-й украинской большевистской армией Скачко так характеризовал конницу Шкуро:

"На Волновахському напрямку ворога діє корпус Шкуро. 5000 чудової дисциплінованої кінноти з кубанців і горців, що не піддаються політичному розкладові. За літньої години та в нашому степу сама піхота навіть в четвертий кілометр упоратися з такою кіннотою не може..." („Літопис Револуції", 1931, № 4, ст. 85).

И далее читаем:

"...Ворог узав Мариуполь... фронт від Гришина до Бердянського відкритий і ворогові тут шлях вільний аж до Перекопа та Олександрівського. Дибенко — командуючий Кримським фронтом — називає стан катастрофальним. Я повторюю теж.. Я попереджаю, якщо за три дні мені не надуть 4 піших полки, два кінних та двох артилерійських дивізіонів, то Бердянськ—Пологи, а може й Олександрівськ ворог візьме..." (Там же, стр. 87—88).

Москва приказала всю 2-ю армию со штабом в Екатеринославе на Днепре подчинить командующему Южным фронтом Гиттису. Одновременно с этим с противобукарского фронта у Житомира была взята большевистская бригада Покуса, из района Одессы взяли наскоро Вознесенский полк, из Николаева — две батареи, из Знаменки — 5-й конный полк и т. д., и все это спешно направлялось на усиление противобукарского фронта.

Командующий 2-й армией 5-го апреля сообщал:

Фронт від Мариуполя до Оленівки (Еленовка) зовсім оголений, бо бригади Махна майже немає и т. д. (там же, стр. 92).

8-го апреля на категорическое требование Главно-Мацетиса послать войска в Донецкий бассейн командующий Украинским фронтом Антонов-Овсеев ответил следующей телеграммой:

... „Из оперативных сообщений понятно было положение: бригада Махна своим наступлением оттянула на себя корпус Шкура и теперь разбита, как и 9-я дивизия. Все, что можно, снимается с Киевского и Одесского направлений; но это делу не поможет, если не разовьется наступление 8-й армии"...

В тот же день, 9-го апреля, теперь уже сам Ленин снова требовал подачи немедленной помощи на фронт Донбасс-Мариуполь и снова требовал организации похода на Таганрог и Ростов. (Там же, стр. 99. Нужно сказать, что только опубликованная переписка между большевистскими главарями по поводу прорыва большевистского фронта казаками занимает около 30 страниц печати в „Літописі Револуції" за 1931 г.)

Как видим, Кубанцы и Терцы корпуса Шкуро 17 марта взяли Дебальцево, 20 марта разбили и рассеяли до 6-ти полков пехоты красных в районе Горловки-Государева Буерака (верстах в 25 к западу от Дебальцево) и далее прошли по тылам большевистских войск до г. Мариуполя, до р. Берды.

Кто же спас добровольческие полки Май-Маевского во второй половине марта 1919 г.? О чью доблесть разбились 8-я и 13 армии и группа войск Махна, в общем 40-50 тысяч штыков и сабель, на длинном фронте Луганск-Дебальцево-Горловка-Доля - Волноваха-Мариуполь? Ответ совершенно ясен: о грудь Казачества разбился новый бешеный натиск русских армий, бросаемых в бой Лениным, Вацетисом, Троцким, Гиттисом и многими другими тогдашними красными вождями русского народа.

И не только удары доблестных казачьих полков на длинном фронте от р. Донца до р. Берды спасли положение. Много помогло и восстание донских казаков в Верхне-Донском округе. По поводу этого восстания находим следующие суждения у русских исследователей противобукарской борьбы:

"... Неудача этого наступления весьма тяжело отразилась на положении Южного красного фронта, так как во время она совпала с началом казачьего восстания в тылу, в районе станиц Вешенской и Казанской. Это восстание было поднято тем казачеством, которое в конце 1918 г. выразило покорность советской власти... Восстание подобно масляному пятну ширилось во все стороны от этих станиц. Оно сильно ограничило оперативные возможности Южно-русского фронта. Для борьбы с повстаньем пришлось последовательно выделить из состава 8-й и 9-й армий до 14.000 штыков и сабель" (Гражданская война 1918—1921, т. III, стр. 234).

Как видно из этой большевистской оценки значения восстания в Верхне-Донском округе, оценки, кстати сказать, сделанной более чем через 10 лет после описываемых событий, это восстание скоро приняло грозные для большевиков размеры и принудило большевистское командование снимать с фронта 8-й и 9-й армий большие силы. Было бы совершенно естественным, целесообразным и разумным немедленно использовать успехи этого казачьего восстания, как в интересах скорейшего освобождения Дона от русских оккупационных войск, так и в интересах борьбы против красной России вообще. И снова и снова мы принуждены отметить, каким великим несчастьем для Казачества, какой глубокой трагедией его была передача в русские руки руководства военными силами Казачьих республик. Разве даже теперь, через много-много лет после героической борьбы Казачества против красной России, разве можно без содрогания душевного вспоминать о несчастных временах союза Казачества с белой Россией!

Север Дона снова воспрянул духом и восстал против красных. Верхне-Донской округ пылал восстанием, в котором принял участие поголовно все казачье население. Люди умирали в неравном бою с красными полками, но не сдавались. В это самое время Кубанцы и Терцы прорвались в тыл 13-й армии и группы войск Махна и под ударами их дрожали широкая украинская степь до Перекопа и Днепровских порогов; все большевистские центры охватило большое смутнение и страх перед успехами казачьего оружия. Как мы видели, коман-

дующий 2-й армией Скачко слал во все концы самые панические телеграммы. Ленин требовал от Антонова-Овсеевского послышки новых войск против казаков, а Антонов-Овсеевский, как командующий противобольшевистским фронтом, телеграфировал Ленину о том, что послышка подкреплений с Киевского и Одесского направлений „делу не поможет, если не разовьется наступление 8-й армии“ (см. выше). Именно в это время 8-я армия была разбита Донцами и Кубанцами в районе Луганска.

Что происходило в это время в казачьем тылу, где пребывало военное и политическое руководство такой ужасной русско-казачьей войной? Для характеристики приведем тут несколько документов, этих немых, но красноречивых и объективных свидетелей о событиях прошлого.

21-го марта Донское командование предложило Деникину, как главнокомандующему вооруженными силами Юга: сосредоточить в районе ударной группы ген. Коновалова и ген. Покровского все, что можно, и раздать Луганско-Алчевскую группу противника, после чего развить успех на левом берегу р. Донца, где Донские войска перешли с правого на левый берег этой реки. При этом, как гласит телеграмма, имелось в виду достигнуть если не полного вывода сил противника из строя, то во всяком случае значительного их расстройств, после чего операция на левом берегу Донца будет легко выполнена за отсутствием у противника свежих частей... Для выполнения этой операции организуются три группы: 1) Коновалова в составе 2-й и 8-й дивизий, 2) 4-й корпус генерала Дукмасова и 3) 1-я дивизия ген. Абрамова. К этой операции предложено приступить 25, а если удастся, то и 24 марта.

Словом, Донское командование предложило немедленно начать наступление в северо-восточном направлении, предварительно раздавив Луганско-Алчевскую группу большевиков. В тот же день, 21 марта, Донское командование телеграфировало штабу Деникина в Екатеринодар:

„Наштаглав — Екатеринодар, копия Командарм Кавказской армии — Ростов. Разрастающееся восстание в районе Верхне-Донского округа, о чем имеются документальные данные, при мощном нажиме на фронте противника вдоль железной дороги Каменская-Миллерово может повести к полной катастрофе всего фронта красных в Донской области. Удачно начатая переправа через реку Донец западнее Каменской и продвижение частей на север в этом районе дают возможность рассчитывать на успех наступления в Миллеровском направлении. Для выполнения этой операции, конечно, предварительно разбив Луганскую группу противника, необходимы резервы, главным образом, из молодых частей, почему Командарм (командующий Донской армией) усиленно ходатайствует о срочном освобождении частей Пластунской бригады (Донской), находящейся ныне в районе Иловайская—Ростов, а также о возвращении 42 пешего (донского) полка есаула Назарова, временно переведенного в распоряжение Юзефовича (врем. командующий Кавказской армией, в состав которой входили Кубанские и Терские дивизии, группа Май-Маевского и отряд Виноградова). Части эти необходимо направить по жел. дороге в г. Новочеркасск, где они получат дальнейшие указания. О последующем прошу уведомить. № 2164/К. Наштагм Дон геншт. Кельчевский.“

В тот же день ген. Юзефович сообщил Деникину в Екатеринодар, что Донское командование категорически просит возвращения на Донской фронт 1-й Пластунской Донской бригады, составившей гарнизон г. Ростова, где находился штаб Кавказской армии, из которой один батальон ныне направлен для усиления левого фланга группы Май-Маевского, и сводного полка, входящего в состав отряда ген. Виноградова. Далее Юзефович телеграфировал:

„Раз наступательная операция на Донском фронте будет решена, то я могу не согласиться, что эти части действительно нужны Донскому командованию. Вместе с тем Кавказской армии

не менее необходимо укрепить левый фланг группы Май-Маевского и при этом немедленно, иначе будет поздно, усилить ген. Виноградова и охрану линии Иловайская — Таганрог — Ростов, подвергающейся нападениям, поставить в Таганроге гарнизон, так как части, ныне расположенные в этом важном пункте, за таковой считать нельзя и, наконец, если будет решена операция на Донском фронте, то придется поставить новый гарнизон в самом важном пункте для обеих армий — Ростове. Таким образом необходимо определенно и бесповоротно решить вопрос, операциям какой армии придается преобладающее значение — Кавказской или Донской, так как усиливать обе армии мы не в состоянии... Ростов. 21. III. 1919. № 04328. Юзефович.“

В этой же телеграмме Юзефович снова настаивал на сосредоточении главных сил на Царицынском направлении за счет ослабления всех остальных направлений.

Командующий Донской армией, ген. Сидорин, 23 марта телеграфировал свое крайнее удивление постановкой вновь вопроса о выборе главного направления, когда идут бои у Луганска — Дебальцево, и настаивал на усилении Покровского и Коновалова... Для Донцов же, ввиду восстания в Верхне-Донском округе, телеграфировал Сидорин, „удар на Миллерово приобретает особое важное значение“ (№ 2194/К).

Как видим из приведенных документов, казаки полки не только приняли на себя удары главных большевистских сил на длинном фронте от Луганска до Дебальцево, не только исключительно своими силами казаки разметали большевистский фронт от Дебальцево до Азовского моря (см. выше большевистские документы по этому поводу и заключение Деникина), не только защищали фронт по р. Донцу от района г. Луганска до впадения этой реки в Дон, но казаки же несли гарнизонную службу в Ростове, оберегали жел. дорогу Ростов — Таганрог — Иловайская, казачий полк входил в состав отряда ген. Виноградова и т. д. При чем Донское командование принуждено было „категорически просить о передаче в Донскую армию Донских частей во время самых решительных боев в районе Луганска и на р. Донце. Донское командование сообщало Деникину в Екатеринодар о таком чрезвычайно важном событии, как восстание в Верхне-Донском округе, при чем ссылались при этом на документальные данные, чтобы рассеять всякие сомнения относительно правдивости сообщений об этом восстании; Донское командование указывало на то, что „при мощном нажиме на фронте противника вдоль железной дороги Каменская — Миллерово может повести к полной катастрофе всего фронта красных в Донской области“, а, значит, к освобождению всей Донской Земли от большевиков и т. д.

Разве могут быть сомнения в том, что Донское командование прекрасно было осведомлено о положении большевистского тыла в пределах Донской Земли? Донское командование, настаивая на организации удара в сторону северных округов Дона, без сомнения, выражало общее желание всех Донцов, которые находились по сю и по ту сторону фронта на р. Донце. Продвижение войск в этом направлении не только несло освобождение разоряемым большевиками казачьими станицами Тихого, но теперь окровавленного Дона, но увеличивало боевые силы противобольшевистской армии за счет казаков еще занятых большевиками станиц. О том, что предложение Донского командования было серьезно и срочно, свидетельствует сообщение этого командования о намеченном боевом составе ударной группы и даже дня ее выступления (см. телеграмму от 21 марта).

Несмотря на все, предложение Донского командования оказалось голосом вопиющего в пустыне. Поход на северо-восток был осуществлен только через два месяца. Этим промедлением воспользовались большевистское командование. Верхне-Донцы принуждены были только своими силами, при отсутствии необходимого количества вооружения, окруженные со всех сторон, защищаться от ударов во много крат превосходивших силы повстанцев сил красной России.

Новое восстание.

В конце марта Ставропольские крестьяне вновь подняли восстание против Деникинской власти. Об этом свидетельствует следующий документ:

„Атаманам Донского и Кубанского Войск, копия Уманская Атаману Ейского отдела, Великокняжеская генералу Павлову.

„Ставропольский губернатор доносит о восстании, вспыхнувшем в среднем Егорлыке — Лежанка. В Песчанокоспскую направлен 1-й Лабинский (Кубанский) полк для усмирения Летницкого и Привольного, после чего он должен двинуться на Лежанку. Независимо от действий этого полка по приказанию Главкома прошу распоряжения о направлении для восстановления порядка в Лежанке гарнизонов ближайших станиц Донских и Кубанских. № 2307/К. Генерал Романовский“ (начальник Штаба Деникина).

В то время, когда казацкие полки с таким героизмом и доблестью, ценою обильно проливаемой казачьей крови, разбивали русские красные армии, политика Деникина вызвала восстания в казачьем тылу, и снова и снова за эту политику русских единомышленников — казачьих „союзников“ — приходилось расплачиваться казакам же.

Восстание горцев.

Деникин назначил ген. Ляхова главноначальствующим Терско-Дагестанского края с целью „вновь приобщить край к русской государственности“ (Деникин. Очерки, т. IV, стр. 114). Вследствие этих мероприятий нового „собираателя земли русской“ уже в феврале 1919 г. с горцами началась открытая война. В Дагестане существовал противогорский фронт, а в другие районы Деникин посылал специальные экспедиционные отряды „для усмирения“. Для иллюстрации приведем сообщение о деятельности одного из таких отрядов:

... „Главные силы Балкарского экспедиционного отряда 1-го марта беспрепятственно дошли до Глубокого озера... В узком ущельи начался упорный бой... К вечеру, благодаря самоотверженной работе всех частей отряда, удалось сбить балкарцев и ночью занять Мухол и другие селения... Жители Балкарии бежали в глубь лесов и частью пробираются в Дигорию... Таким образом вся Балкария пройдена вдоль и поперек экспедиционным корпусом... („Приаз. Край“, № 59, 12. III. 1919.).

Стоит только хорошенько вдуматься в это короткое летописное сообщение, чтобы понять, какую поли-

тику проводил Деникин в горах Кавказа. Корпус-дивизия ген. Май-Маевского безнадежно отступал перед „бандами Махна“, а Деникин, опираясь на казачью силу, уже проводил русскую империалистическую политику на Кавказе и на Украине и последовательно и настойчиво губил то дело, ради которого потоками лилась казачья кровь.

Представители Кубанских горцев в Куб. Законодательной Раде публично категорически протестовали против участия казачьих воинских частей в войне против горцев. Представители казаков в Раде обещали принять все меры к тому, чтобы не допустить этой ненужной совершенно и взаимно губительной войны между горцами и казаками.

Так трагичны были для Казачества первые три месяца пребывания русского генерала в роли Главнокомандующего казачьими вооруженными силами...

На основании русских данных мы отметили уже выше, что русское красное командование к 1-ому января 1919 г. мобилизовало 165.113 специалистов русской старой царской армии — офицеров, чиновников, врачей, ун.-офицеров и т. д.

Увеличивающаяся потребность фронта вызвала неизбежный рост числа мобилизованных специалистов упомянутых категорий, каковое, по данным мобилизационного управления, к 1 апреля 1919 г. дошло до 216.280 человек:

Название категории	Принято по мобилизациям на 1.IV.1919 г.
Бывших офицеров	28.410.
„ унтер-офицеров	165.191.
„ военных чиновников	2.919.
Врачей медич. и ветеринарных	4.395.
Фармацевтов и фельдшеров	15.365.
Всего:	216.280.

(Гражданская война 1918—1921, т. II. Военное искусство Красной армии. 1921, стр. 95).

Это были только кадры русской армии, которые обростали мобилизованными солдатами, рабочими и крестьянами России.

Стоит только сравнить силы красной армии, действовавшие на Юге, с русскими боевыми силами ген. Деникина, чтобы понять, какую трагедию переживало Казачество, попавшее в руки русских людей, тянувших его в Москву и принуждавших завоевывать Великороссию, обладавшую такими большими ресурсами живой силы и огромными техническими средствами.

(Продолжение следует).

К вольным казачкам.

Шесть лет прошло... Шесть лет работы на благо Казачества... Шесть лет эта работа лежит на плечах наших мужей и братьев... Шесть лет... Шесть исторических лет в жизни казачьего народа, и все они прошли без участия женщин — вольных казачек. Появилось два-три имени и исчезли... но можем-ли мы и дальше оставаться только зрительницами? Нет! Если славны были наши деды и прадеды, то не менее славны были бабки и прабабки. Вспомните Галину Булавинову, дочь Некрасова, защитницу Азова, и еще много других героинь нашего народа. Неужели-же казачий народ больше не имеет не то, что героинь, а просто казачек-работниц, казачек, любящих Казачество больше всего? Они есть, они должны быть. Национальность никого и никогда не может освободить от обязанностей перед казачьим народом, полученных вместе с казачком-мужем. Югославянки, чешки, польки, француженки и многие другие должны знать наш язык, должны знать наши обычаи, т. к. они являются матерями и воспитательницами казаков. Где бы мы ни родились, на каком-бы мы языке раньше ни говорили, мы все — казачки.

Вольные казачки! Мы должны, наконец, начать работу и не сидеть и дальше сложа руки. Работы для нас еще не початый угол. Прежде всего мы, вольные казачки, должны организованно выступить на страницах „ВК“ и сказать всем, кто за и против нас, что мы так же точно мысли о судьбе Казачества, как и наши мужья и братья; мы так же будем бороться за создание Казачьего государства — Казакии, за счастье казачьего народа и в служении своем принесем святой Идее свои жизни и жизнь близких. Нет жертв, которых-бы мы не принесли своему народу.

Вольные казачки, будьте едины, станьте смело на защиту поправных прав — и тогда посмотрим, кто сможет устоять против единого казачьего фронта.

Помня, что каждая из нас в отдельности не может дать более или менее больших результатов, мы, союз вольных казачек имени Галины Булавиновой в кор. Югославии, предлагаем вольным казачкам, рассеянными по всему земному шару, немедленно-же приступить к объединению всех вольных казачек в одно целое. Обращаемся с просьбой ко всем атаманам, председателям и старшим в.к. организаций помочь своим казачкам

провести организацию. С этой же просьбой обращаемся и к атаманам тех в.к. организаций в кор. Югославии, где еще не проведена организация казачек.

Предлагаем следующую схему организации вольных казачек.

1. Все вольные казачки, проживающие в одном месте или поблизости, создают „Кружок в.к.“ Каждый „Кружок“ официально называется так: „Кружок союза вольных казачек, имени... (имени кого) в... (государство), в городе... (название). Например: Кружок Союза в.к. имени Галины Булавиной в кор. Югославии, в городе Белграде“.

2. „Кружки“ в каждом государстве объединяются в „Союз в.к., имени... (если не согласны с общим шефством Галины Булавиной, могут взять кого-либо иного) в таком то государстве“. Во главе Союза стоит выбранное или временно уполномоченное правление. Может стоять и инициативная группа.

Эту организацию предлагаем всем вольным казачкам провести в кратчайшее время. Когда это будет произведено, мы должны путем с'езда или взаимной переписки, объединить „союзы в.к. казачек по государствам“ в один общий союз и установить общую власть. До этого времени предлагаем всем г.г. Председательницам „Союзов в.к. по государствам“ войти в самую живую переписку друг с другом.

Цели:

1. Проповедь В.К. Идеи.
2. Добиться права войти в Союз Славянских женщин.

3. Воспитать подрастающее поколение в казачьем национальном духе.

4. Создать казачий Красный Крест.

5. Создать приют и колонии для детей сирот и престарелых в.к.

6. Организовать помощь неимущим.

7. Помочь иностранкам-казачкам изучить наш язык и познакомиться с обычаями казаков.

Такова наша программа.

Средства:

1. Членские взносы.

2. Добровольные пожертвования.

3. Доходы со всякого рода предприятий: а) вечеринок, б) вечеров, в) концертов и т.п.

4. Помощь от иностранных Красных Крестов.

5. Другие приходы.

Союз вольных казачек имени Галины Булавиной в кор. Югославии предлагает всем вольным казачкам работу и глубоко верит, что голос его не останется голосом вопиющего в пустыне. За счастье Казачества, за лучшую долю вперед, вольные казачки, к организованной жизни и борьбе!

(Всю переписку просим направлять по адресам:

E. I. Černaja, Prote Mateja br. 43, Beograd, Jugoslavie; K. A. Merzlikina, Karnedijeva, br. 9. Beograd Jugoslavie).

Слава Казачеству!

Председательница Союза вольных казачек имени Галины Булавиной в кор. Югославии.

Евдокия Черная.

Помощница председательницы: ованка Резникова.

Секретарь: Клавдия Мерзликина.

От редакции. Приветствуем прекрасную патристическую инициативу вольных казачек из Белграда и желаем ей быстрого и действительного успеха на благо и пользу Казачества.

Не сомневаемся точно также, что вольные казаки окажут вольным казачкам всегда свою помощь там, где и когда это будет нужно.

Госпоже Анне Билой.

Союз вольных казачек имени Галины Булавиной в кор. Югославии на своем заседании 29 апреля 1934 года, протокол № 4, единогласно постановил:

Просить госпожу А. А. Билую принять на себя звание Почетного члена и Почетной Председательницы Союза в.к. имени Галины Булавиной в кор. Югославии.

Копию послать госпоже А. Билой и в редакцию „ВК — ВК“.

Председательница Союза в.к. имени Галины Булавиной, в кор. Югославии: Евдокия Черная.

Помощница председат.: Иованка Резникова.

Секретарь: Клавдия Мерзликина.

2 мая 1934. Белград.

Союзу вольных казачек

имени Галины Булавиной в Югославии.

Сердечно благодарю Союз вольных казачек имени Галины Булавиной за оказанную мне высокую честь. Постараюсь оправдать Ваше доверие.

С своей стороны призываю всех вольных казачек к дружной работе рядом и вместе со своими отцами, мужьями и братьями для скорейшего торжества поставленной себе ВК цели.

Анна Билая.

Думы и мысли.

Мания величия.

„Я — испанский король!“

(„Записки сумасшедшего“

Н. Гоголь).

Под заголовком „В погоне за общественностью“ („Казакья“, № 2) помещен пасквиль автором, живущим в Румынии.

Автор гнусного пасквиля подверг „критике“ деятельность возглавляющего В.-казачье движение и вольных казаков в Румынии.

Вольные казаки не нуждаются в подтверждении правоты редактора „ВК“. Свое доверие к нему они продемонстрировали на страницах „ВК“ целыми вольноказачьими округами, станицами, хуторами, группами и курениями. „Оппозиционный вопрос“ решен — прения закрыты! ВК движение на пути к Большому Кругу ВК.

Моя цель сказать несколько слов о вольных казаках в Румынии и о личности автора, дерзнувшего написать ложь с намерением очернить их, в.к., перед читателями...

Так как автор не называет по фамилиям своих главных противников — не буду называть его фамилию и я.

Читателям „ВК“ известно обращение вольных казаков из Румынии „Ко всем вольным казакам“, помещенное в журнале „ВК“ (№ 146-147). Автору „В погоне за общественностью“ не по нутру пришлось такое обращение, и он вылил на головы вольных казаков ушатый грязи.

Главная цель „автора“ — вызвать орган правления вольных казаков в Румынии на полемическое единоборство. Но по своему политическому младенчеству автор ошибся в расчете.

Правление Станицы ВК в Бухаресте с ВК группами в провинциальных городах Румынии — ни в какую полемику не вступил, потому что „противник“ слишком малого калибра — ничтожен! Из пушек по воробьям не стреляют. Лично же я тоже ограничусь немногим.

Для того, чтобы знать, где правда, где ложь, читатель может легко разобраться, сравнив два документа:

- 1) „Ко всем вольным казакам“ (ВК“ № 146-147) и
- 2) „В погоне за общественностью“ („Казакья“ № 2).

В первом — правда, подтвержденная №№ „ВК“ и столычными газетами той страны, где вольные казаки и автор пасквиля имеют честь жить. Во втором — наглая ложь, основанная на личном „мнении“ автора.

На протяжении своего довольно таки длинного пасквиля автор клеймит вольных казаков в Румынии недостойными эпитетами. Хотя автор и позаимствовал свою терминологию у старых извошников, но язык его „статьи“ все же беден, стиль кочковат и неудобоварим. Говоря о „неизвестности“, и „безавторитетности“ вольных казаков в Румынии, автор „изрекает“ свое „авторитетное“ мнение, но умышленно не касается №№ „ВК“ и румынских газет, перечисленных там-же и своим наличием доказывающих известность и авторитетность вольных казаков в Румынии.

Что для автора полусотенные подписи вольных казаков Румынии! Горячие призывы: „Ко всем тем, в коих еще не застыла казачья кровь; кто в эти черные дни безвременья духом не пал... не смутился и горькую чашу изгнания пьет до конца“... Он их одним росчерком пера клеймит „бесплодными евреями“... Клеймит тех, кто первые из первых вырвали „из под полы“ „нецензурную“ Синюю Книжку и не боясь „сильных связей“, открыто и смело пошли с ней в казачью массу и понесли с собой Казачью Правду... Вооруженные журналом „ВК“, затравленные и осмеянные, черпая моральную поддержку у друзей, соседей-украинцев, — они творили Вольноказачье дело...

За фабричным станком, в корчме-ресторане, на улице и дома — везде и всюду — лилось вольноказачье слово...

Пройдя национально-политическую подготовку, с разрешения румынских властей эти „неизвестные“ собрали сбор вольных казаков, где с публичной трибуны, на чужом языке — чужому народу раздали их речи о Казачьем Народе — о том, кто мы, казаки, и чего мы хотим!..*)

Эта „безавторитетная группа казаков“ разрослась в большую вольноказачью станицу с вольноказачьими группами на всю Румынию. Параллельно с ней вырос хутор вольных казаков в Галаце во главе со старым сотрудником „ВК“, активным вольноказачьим работником А. К. Бабовым.

А что же сделал автор „статьи“ „В погоне за общественностью“, именующий себя „первым активным вольноказачьим работником в Румынии“?

Сам он о себе говорит так, что „... был озабочен (сам я живу один) подысканием подходящих людей, которые бы мне помогли вывести казачью массу на ВК дорогу“.

Я к этому могу лишь только добавить, что он и сейчас живет один и не нашел еще „подходящих людей“. Казачья же масса без его „забот“ вышла на вольноказачью дорогу и идет по ней уже пять лет.

Вот потому-то автор „В погоне за общественностью“ и клеймит эту вольноказачью общественность в Румынии; вот потому-то он под приступом мании величия, в экстазе самохвальства и кликушества:

- я — бывший политический представитель „ВК“!..
- я — бывший атаман казачьей станицы!..
- я — знаю духовный багаж каждого казака!..
- я — первый активный вольноказачий работник в Румынии!..

Чуть-чуть да не крикнул:

— Вольные казаки в Румынии — это я!..

Прямо таки, ни дать-ни взять, — новый Людовик XIV, а мы его и не заметили!.. Не даром же он и говорит: „сам я живу один“.

Мне так и хочется „склониться“ перед „величием“ автора, воскликнув: Ты, „царь“, — живи один!.. Ты не сходи с „высот величия“ к „убогим духом“ казакам... Живи, как раньше жил — не общайся с ними... Живи ты долго — сто лет живи, но ложь ты больше — не пиши!... Сергей Маргушин.

21-IV-934. Бухарест.

*) Отчеты организ. собрания вольных казаков в Бухаресте помещены в следующих румынских газетах: „Universul“ № 86 30-III. 933 г. „Dimineața“ от 30-III. 933 г. „Наша Речь“ № 87 (переп. „ВК“ № 126).

Чи ви подумали над цим?

(Відповідь козакові А. Кирьянову).

Прочитавши „Казакію“ та Вашу в ній відозву „Ко всем станичникам вольным казакам“, не хотілося мені першому братися за перо, — вискакувати, мов той Пилип з конопель, — та писати відповідь на вашу відозву, — чекав, що скаже зорганізоване Вільне Козацтво про „опозиціонерів“. Воно вже сказало своє слово у своєму „Постановленні“ („В. К.“, ч. 146—147, ст. 25).

Я орієнтуюся виключно „по ділах їх“, по тому друкованому козацькому слові, яке й до мене доходить до Бразилії, — закулісної тайної політики я цілком не знаю. І. А. Білого я особисто не знаю і ніколи його не бачив.

З приводу появи „Казакію“ Ви пишете:

1. „Не смущаться нам надо, а радоваться, потому что когда много печатных органов, проповедующих одну и ту же идею, то бывает лучше“. Погоджуюсь з Вами. Бо й справді: чим більше буде поширюватись таж сама ідея друкованим словом, тим більше вона буде вкорінятись, в данному разі, між В. Козацтвом. Та цілком не погоджуюсь з Вашими поглядами, що буде велика користь для організації, яка буде мати кілька журналів, що будуть „поправляти“ одні других так, як, напр., „Казакію“ взялась „поправляти“ „В. К.“. Ізбави Бог нас від таких „поправок“ і тих „користних“ наслідків, які вони можуть принести для ідеї В. К.!

2. Далі пишете Ви: „Если же все время существует только один журнал и под редакцией одного и того же лица, то он часто делает, что хочет, не считаясь с мнениями других“ і т. п.

Гай, гай, та цей зелений!.. Та ж коли журнал зле редагується і не відповідає своїм напрямком тій ідеї, для якої він постав, та не мав би своїх прихильників, то він давно б уже задер би ноги до гори! А „В. К.“, як Ви і сами знаєте, користується великою популярністю між вільними козаками, про це свідчать хоч би й ті листи, які надсилаються до ред. „В. К.“

До речі: як би не народилося в свій час „В. К.“, то не було б для кого з'являтися і другим „паралельним“ журналам... Чи ви подумали над цим?..

3. Пишете: „Полагаю, что найдутся люди, которые будут недовольны появлением „Казакію“, напр., редакция старого нашего журнала“.

Редакція старого нашого журналу є справді стара, загартована: їй вже не раз приходилося виходити „на герць погуляти“ з „Р. К.“, „К. Набатом“ і др., так що „поправляти“ „Казакію“ їй не дуже страшно.

4. Ваші слова: „Я так думаю, братцы, что в журнале „Казакію“ много правды выльется и наша атмосфера освежится“.

Вже з першого числа „Казакію“ аж забагато виллялося тієї козацької „правди“ та так освіжилась атмосфера, що хоч ніс затикай від таких пахощів.

5. Пишете: „Давно уже в центре у нас было не ладно, не хватало только того, чтобы сами казаки взяли прочищать ряды“.

Питаю Вас, вільного козака А. Кирьянова, як вільний козак: — які „ряди“? Себ-то виходить: вигнати І. А. Білого, редактора „В. К.“ і рівночасно головного провідника цілої організації Вільного Козацтва з організації, ним же заснованої?.. Я Вас цілком не розумію... Вибачте мені: мені здається, що Вам якийсь „злий дух“ нашетав ці погромницькі слова, щоби розсадити цілу організацію В. К. з її центра.

6. Пишете: „Наконец, эта работа начинается и — слава Богу — должны сказать казаки. Раз есть нарыв, его нужно выдвинуть“.

Чи сказали козаки „слава Богу“, чи ні, про це ми вже почули голос від організованого Козацтва. А що до нариву, то він сам видавився у виді „Казакію“.

Відповіді Вам на Вашу відозву, хоч тепер торкнутися й самої „Казакію“.

Що властиво породило „Казакію“?

Я читаю відповідь на це питання у цьому ж журналі по між рядками опозиційних статей, а не там, де б хотілося її батькам. На стр. 38 читаємо: „4. О принятых к печатанию статьях ведется протокольная запись. Прием статей решается большинством голосов“.

А я по-між цими рядками прочитав ще й таке: — і підраховується кілька кожна стаття має рядків, щоби точно знати, кілька належить чеських корон авторів статті, бо, в противному разі, може з'явитися другий „параллельний“ журнал.“

Можливо, що я й помиляюся; але мені здається, що як раз отут і... зарита собака!

А ось ще на стор. 40: ... „первейшая наша задача — это, правильно, без хитрых комбинаций, созвать Большой Круг В. К., который и должен утвердить наши организационные законы, выработанные применительно к особенностям казачьей национальной психологии — выборность возглавителей и их подотчетность. (Мої підкр. С. С.).

Ясно, що кожний вільний козак з цікавістю чекає на Большой Круг В. К. і до цього великого акту готуються в.-к. організації.

Підкреслюю: на мій особистий погляд, в.-к. З'їзд нічого надзвичайного не зробить, а тільки закріпить плян праці старого проводу, на чолі якого стоїть І. А. Білий, з де-якими незначними змінами. Оче-

вищо, що по З'їзді організація буде міцніша духом і більш авторитетна між козаками і не козаками.

Щож до „выборности возглавителей и их подотчетностей“ та до „о принятых к печатанию статьях...“ думаю, що на З'їзді делегати будуть настільки мудрі, коректні й компетентні в сучасних матеріальних обставинах організації, що постараться обговорити це делікатне питання так, щоб „і вовк був ситий і коза була ціла“.

Ми стоїмо перед визвольною війною. А для війни, як сказав Наполеон, потрібно трьох річей: грошей, грошей і грошей... У свій час москалі мали своїх Мініних і Пожарських і не підраховували рядків у такий час, як ми зараз переживаємо...

Колиб „Казакія“ справді була б рівнобійним органом „В. К., я от души радувался б її народинам.

На закінчення скажу: написав це все так, як мені Бог на душу поклав, — „не мудрствуя лукаво“.

С. Савицький.

22-III-1934. Бразилія.

Правлению ОРК в Париже.

В ответ на ваше письмо от 25 апреля с. г. за № 62, в котором вы требуете обратно деньги, собранные членами ОРК в фонд Большого Круга ВК и пересланные редакции „ВК“, настоящим заявляю, что

Я не знаю вашего официального устава, на который ссылаетесь вы, и согласно которому деньги эти юридически принадлежат ОРК, но думаю, что это не так, т. к. в данном случае ОРК являлось только передатчиком средств, которые вольные казаки пересылали через него на Б. Круг ВК (в доказательство чего публиковались всегда и списки жертвователей). Само ОРК не имело и не имеет права расходовать эти поступления на какие либо иные цели.

Поэтому я возвращу полученные мною от ОРК деньги в том же порядке, т. е. на заявления, собственноручно подписанные каждым жертвователем. Эти заявления, персональные или коллективные, могут быть присланы непосредственно каждым желающим получить свои взносы отдельно или через Правление ОРК.

Взносы не приславших таких заявлений (или не записавшихся в коллективное заявление Правления ОРК) будут оставлены в фонде Б. К.

Кроме того, Правление ОРК вернет все взносы вольным казакам (на их заявления), не состоящим сейчас членами ОРК, которые не были пересланы в ре-

дакцию „ВК“, а объявлены на хранении у казначая ОРК (см. № 137 „ВК“).

После выполнения Правлением ОРК вышеперечисленных условий, подлежащие суммы (в действительности в свое время мною полученные) будут возвращены незамедлительно каждому в отдельности или через Правление ОРК, согласно желанию. [Последнее для меня технически более желательно].

Подробный отчет по этой операции будет опубликован в журнале „ВК“.

И. Билый.

Ко всеобщему сведению.

Ввиду неоднократных пожеланий вольных казаков о том, чтобы не пользоваться при созыве Б. Круга средствами, внесенными некоторыми лицами или организациями в фонд Б. К., потом перешедшими в ту или иную оппозицию, как равно и обратно: не расходовать средств вольных казаков ни на каких оппозиционеров ни в какой форме, настоящим заявляю, что постепенно будут возвращены всем оппозиционерам их взносы в фонд Б. Круга ВК (если они сами не заявят о желании оставить свой взнос по прежнему в фонде).

Обстоятельство это ни в какой мере не отзовется на деле созыва Большого Круга ВК.

И. Билый.

Казачья эмиграция.

На Большой Круг ВК.

Поступило: от ВК хутора Ермакова (из Гановера) 95 кч.

ВК в БОЛГАРИИ.

Окружной с'езд казаков националистов.

15 и 16 апреля с. г. в Софии состоялся организационный с'езд казаков националистов в Болгарии. На с'езде присутствовало много гостей и 17 человек делегатов от казачьих организаций Софии и провинции.

15 апр. в 11 час. дня председатель Союза Казаков Националистов в Болгарии коротким приветствием открыл с'езд. Выступали также с приветствиями и представители других организаций, родственных казакам националистам по идее. Красной нитью во всех приветствиях проходила мысль о борьбе до последней капли крови за свободу родных Краев и спасения стонущих под игом красного террора близких.

Казачество в изгнании, верное заветам старины и долгу совести, твердо несет в своих руках казачьи знамена и вернет их привольным степям, чего бы ему это ни стоило.

„Не застыла в нас кровь казачья, и как бить врагов не забыли мы“ — таково было настроение всех делегатов. Чувствовалось, что здесь, на с'езде, собрались боевые орлы поредевшей семьи беззаветных борцов за свободу.

Делегатами на с'езде единогласно на должность председателя Союза Казаков Националистов в Болгарии (он же Окружной Атаман) был избран герой Верхне-Донского восстания, есаул Павел Назарович Кудинов. Доверие, выраженное ему казачьим с'ездом, взбудоражило в его казачьей душе еще не зажившие раны, и огонь боевой снова вспыхнул в его груди...

Так смело же станичники, в путь — за волю и славу, за честь старины.

Казак.

София.



Окружний С'езд в Болгарії. Сидить третій зліва Окружний Атаман П. Н. Кудинів.

Приветствия Окружному С'езду.

I.

Христос Воскресе, приветствую вас, дорогие гости. Христос Воскресе, братья казаки, передаю я вам отсюда, где милое и дорогое сердцу казака осталось, быть может, навсегда. Просил меня об этом один станичник, посетивший постом Великим Краем родные, свою станицу. Как просил, я прочитаю отрывки из его письма: „шел я правым берегом Дона. Ночевал иногда во дворах у казаков, а больше в лесу, в садах. В станицу пришел днем, при чем притворился слепым. Надел на голову рваную шляпу, подвел глаза, запачкал лицо. И стал неузнаваем. Подошел с клюкою, как заправский слепой, к своему двору; сквозь ресницы я видел все. И запел, как делают старцы: „Подайте Христа ради милостыньку слепому“... Из открытых дверей сначала выглянул мальчик — мой сын Петя — в рваных штанах и излтанной рубашонке. Вышел, стал на пороге, посмотрел серыми глазками и спросил: „тебе чего, дяденька, нужно?“ Я снова запел, а слезы текли из глаз. Хотелось рыдать от страшной душевной боли, но я рукавом вытирал слезы и пел: „подайте Христа ради милостыньку слепому“. „Мамка, тут слепой хлебца просит“. „Нету у нас, знаешь, что нету, так и скажи“. Из дверей вышла дочь Маша и стала рядом с братишкой. Никакого мне хлеба не нужно было. Я не хотел их лишать и того куска хлеба, который они мне могли дать. Мне просто хотелось подольше посмотреть на детей, на свой двор. Я не мог себя оторвать от забора и уйти и снова запел ту же просьбу. „Мамаша, он просит, дай кусочек. Может и наш папаша... где нибудь... тоже... как этот“. Родимый голос, милый мальчик, что бы я дал за то, чтобы расцеловать его за эти золотые слова. Мать вынесла кусочек черного хлеба и отдала его Пете. Он выбежал проворно за дверь и сунул его мне в руку. „Спасет тебя Христос, родной мой“, сказал я сыну, подавшему отцу-бродяге хлеба. И я не удержался, чтобы не погладить дорогую кудрявую головку. Рука дрожала, по лицу неудержимо текли слезы. Я мог выдать себя, жену и детей, ибо во дворе показалось трое мужчин (видимо, новые хозяева моей хаты)“...*)

Станичники, не буду разбираться, кто прав, кто виноват. Одно скажу: Казачество стоит перед раскрытой могилой. Отцы-бродяги — здесь, там жены и дети гибнут с голоду. Я верю, что тяжело тому, в чьих жилах течет казачья кровь. Но больше веры! Ведь с нами правда, над нами Бог! Вперед же смелее за родной порог. И пусть паду я в борьбе за милый Край у степного кургана, пронзенный пулей, но все же в миг последний крикну: „Воистину Христос Воскресе, родные братья казаки!“

В. Оболенский.

*) Содержание письма взято из: „Посещения“ А. Бояринова.

II.

Я привез вам, славные сыны Тихого Дона, Многоводной Кубани, Бурного Терека и широкого раздолья Сибири, привет от ваших братьев — казаков националистов, проживающих в г. Варне. Желают они вам сил и здоровья в тяжелой работе объединения Казачества и в борьбе за освобождение родных Казачьих Краев.

Вы собрались на свой казачий с'езд с большой и тяжелой думой! Вы собрались сюда, чтобы решить и сказать свое веское слово: быть Казачеству или не быть. Вы слетелись сюда, славные орлы, еще раз сказать своим братьям казакам, заблудившимся и изменившим заветам отцов и дедов: вернитесь в ряды Казачества! Вы слетелись сюда, чтобы совместно, хотя бы мысленно, облегчить тяжелую участь своих собратьев казаков, находящихся под игом красного хама Москвы.

Так Бог вам в помощь, дорогие станичники!

Горячо приветствуем нашего собрата — казака Игната Архиповича Билого и его сотрудников, которые, несмотря на все преграды, чинимые врагами Казачества, шесть лет тому назад подняли высоко казачье знамя, знамя казачьей национальности.

Да здравствует Казачье Национальное Об'единение!
Да здравствуют Родные Край!

От имени вольных казаков города Варны

А. Д. Бразда.

III.

От имени Ломской вольно-казачьей станицы приветствую делегатов I-го в Болгарии чисто казачьего зарубежного конгресса и желаю вам, г. г. избранныки казачьего народа, честной и плодотворной работы для спасения и возрождения Казачества.

Казачество возродится и окрепнет только тогда, когда оно будет идти по казачьему пути, а правильный путь казачий есть путь Вольного Казачества. Мои доверители мне приказали с казачьего шляха не сворачивать ни вправо, ни влево, а иначе — в куль да в воду.

Н. Егоров.

IV.

Хвальна Президія!

З найбільшою радістю в душі прийшов я на цей перший зїзд Вільного Козацтва в Болгарії, щоби підкреслити ту велику втіху, яка мені припала, — привітати цей зїзд від імені українських організацій, які я маю шану представляти, і від мого імені, і побажати славному зїздові плодотворної та успішної праці.

Факт, що перший зїзд Вільного Козацтва підготовлявся і відбувається в помешканю українських організацій, не є випадковий; він яскраво свідчить, наскільки історичне минуле та спільність інтересів цих народів

нас зблизила і заставляє надалі йти рука в руку, об'єднавши свої сили в боротьбі за найвищий ідеал — визволення рідного Краю.

Хай живе єднання!
Хай живе Вільна Козація!
Хай живе Вільна Україна!

М. И. Паращук.

V.

Дорогі брати, Вільні Козаки!

Від імені Управи Союзу Українських організацій в Болгарії вітаю нас з вашим першим конгресом і бажаю від щирого серця успіху в розпочатій роботі.

Дай Боже, щоб всі ваші найкращі побажання й наміри здійснились. Ці мої побажання тим більш щирі, що й Кубанські казаки — це діти тих українських козаків втікачів від лихої неволі, в яку запропастила люд на Україні цариця Катерина, відома тим, що завела кріпачство на Україні, знищила Січ Запорозьку — відкіля багачко козаків тікали на південь подалі від її „ласки царської“.

Отже, минули століття з того часу і зараз на нашій милій Україні, як і по широких степах Кубані нові насильники більшовики сараною понесли і нищать все, що віками здобував наш нарід.

Таким чином у нас з вами повинна бути одна спільна думка, одна ідея — загальною боротьби проти насильників — окупантів нашого веселого і щасливого колись Краю, щоб в єдиній дужій лаві з кличем до перемоги осилити злого ворога і таким чином звільнити наш любий Край від насильників...

Отже закінчуючи, я звертаюсь до вас, любі брати козаки, з кличем до більшої єдності й братерства по між собою, більше віри в своїх проводирів, щоб, коли прийде слушний час і вас покличе рідний нарід на допомогу, — щоб всі, як один, встали в дужі лави плече о плече з своїми братами українцями й нарешті звільнили від проклятого ворога свій любий Рідний Край:

Хай же живе Вільна Незалежна Україна!

Хай живе Вільна Кубань й ціле Вільне Козацтво!!!

Голова Союзу Українських Організацій в Болгарії *Д. Майстренко.*

VI.

Я рад вас видіти, собравшихся здесь и тесно сплотившихся во имя светлой идеи — борьбы за свободу и счастье своей Родины и своего Народа...

Искренно приветствую вас от имени Украинского Центрального Национального Комитета и Украинского Национального Казачества, того казачества, которое в далеком славном прошлом было объединено крепкими нитями неразрывной связи с предками вашими в общей любви к свободе и к борьбе за свободу... Волею судьбы вы пошли по пути к свободе. Несомненно, вы на этом пути встретите много препятствий и разочарований. Но это не должно вас останавливать. Идите смело вперед. Ибо тот, кто решил, как вы, — пожертвовать все свои силы и самую жизнь за свободу и счастье своей Родины и своего Народа, — должен победить.

Вы, которые себя называли „вольными казаками“ всегда должны быть и навсегда остаться носителями свободы... Не обращайтесь внимания на тех, кто идет против вас. Эта временная болезнь неминуемо пройдет, как только ярко засияют первые лучи добытой вами усилями свободы... Ведь, в конце-концов, свобода каждому казаку всегда будет милее и дороже рабства!!!

Неуклонно следуйте, как и мы, завету великого борца за Свободу Народов — Тараса Шевченка:

„Борітеся — Поборете“...

и вы действительно поборете...

Всем сердцем желаю Вам полного успеха и еще раз приветствую...

И. Н. Орлов.

VII.

Дорогі брати Козаки!

В імені Українського Т-ва „Січ“ на мою долю припала висока честь вітати нащадків Великого Пугачова, Дорошенка, Павлюка та Наливайка з Установчим З'їздом Краєвого Союзу Козаків-Националістів в Болгарії. В цей історичний день тіні Великих свободолюбів-мучеників виходять із своїх могил щасливі, бачучи, що їх Святе діло не вмерло, а набуває все більших і більших розмірів. По всіх кутках розкиданої еміграції козаки-націоналісти, гідні своїх прадідів, гуртуються біля старих, увічнених славою козацьких прапорів і цим творять авангард майбутньої Вільної, Незалежної Козації.

Нехай-же і вас ніщо не спиняє боротися за крашу долю своєї окраденої — поневоленої Батьківщини. Делегатам — нащадкам славних Запорозьців — Кубанцям, Синам Великого Тихого Дону та завязаному Козацтву Бурного Терека бажаю успіхів в роботі об'єднання біля себе всього свідомого чесного козацтва, а З'їздові — перебороти всі перешкоди, що стоять на шляху Вільно-Козачого руху!

Слава Вільному Козацтву!

Слава йго проводирям!

Слава всім братам по боротьбі!

Справник „Січі“ *І. Крупицький.*

VIII.

Г-ну Секретарю Союзу казаків націоналістів в Болгарії.

Уважаемый станичник!

Я получил Ваше приглашение на с'езд казаків націоналістів в Болгарии. Спасибо. Правду говоря, я хотел бы воспользоваться Вашим приглашением и побывать на Вашем с'езде. И уверяю Вас, что если не могу этого сделать, то исключительно по причинам „от меня независящим“. Разрешите поэтому, просить Вас передать собирающемуся с'езду мои самые лучшие пожелания успешной работы на благо и пользу Казачества. Самым искренним образом желаю, чтобы работы с'езда послужили к укреплению и дальнейшему развитию дела Вольного Казачества в Болгарии.

Не буду говорить в данном случае много — к тому, что уже сказано на страницах 150 номеров „В. К.“, я мало что могу прибавить. Убедить мне Вас, вольных казаків в Болгарии, не в чем. Да не хочу я сейчас много говорить и по той причине, чтобы никто, никакая „оппозиция“ не сказала потом, что я агитировал и уговаривал, что производил давление и т. д. Одно все же решаюсь сказать:

если вольные казаки разобьют сейчас свое движение, радоваться будут только наши поработители, плакать будут наши братья там...

Не забывайте, что в революционно-политических движениях, в борьбе народов за свое освобождение, наряду с программой, имеют колоссальное значение люди... Иногда самые хорошие законы, самые хорошие программы остаются... всего лишь на бумаге, если не находятся люди, способные воплотить их в жизнь. Что толку, напр., из того, что казачья Конституция — для своего времени — хорошие законы, если для исполнения их казаки ставили Богаевских и Филимоновых!.. Признаюсь откровенно, что я предпочел бы менее совершенные Конституции и — во главе Казачьих Войск — лучших Атаманов!..

Не уговариваю, но хотел бы предостеречь с'езд от всяких „нейтралитетов“. Помните, что нейтралитеты никогда никого к добру не приводили, как никогда не приносила никому пользы страусовая политика; вспомните, как дорого казаки заплатили за нейтралитет зимы 1917—18 года. Пришло время, когда нельзя становиться в сторону и предоставлять работать и бороться только одним... Кто объявляет нейтралитет, тот хочет взвалить свою долю тяжелой ноши на плечи тех, кто ее уже несут. Получается: на плечах одних — двойная тяжесть, а плечи других, нейтралитетчиков, свободны. Вот почему несущие и работающие не любят тех, кто уклоняется. А нейтралитет в наших условиях и есть укло-

нение от долга, уклонение от борьбы. Подумайте, что было бы, если бы все стали нейтралитетчиками!

Настоящее мое письмо прошу прочитать на с'езде. Еще раз приветствую всех участников с'езда, желаю им мудрости и умения творить казачье Дело в интересах Казачества, на пользу В. К. движения, для ускорения освобождения страдающих наших братьев там, на благо и процветание будущей Казакии.

Да здравствует с'езд!

Да здравствует Вольное Казачество!

Инж. *И. Билый.*

11 апреля 1934. Прага.

IX.

Братья вольные казаки националисты! Видинская группа казаков националистов приветствует вас, как избранных, уполномоченных на Окружном С'езде, который если не разрешит, то, во всяком случае, выяснит многие вопросы, связанные с великим национальным движением среди казачества — возрождением его исторического бытия.

Нам, потомкам славных и вольных предков, с развалом русской империи, представляется более чем когда либо возможность восстановить свою историческую свободу, свои права, так грубо и жестоко попранные силою оружия русскими самодержцами.

Мы, казаки националисты, находящиеся в изгнании, имеем полную возможность свободно высказаться. Мы должны явиться инициаторами вольного движения среди Казачества, явиться последователями тех великих и незабвенных наших братьев, которые были живыми носителями казачьей свободы при русском владычестве и которые за свободу казачьего народа заплатили своими жизнями. Мы должны быть преемниками их заветов. Такие имена как Разин, Булавин, Некрасов, Грузинов, Пугачев, Рябовол, Кулабухов и тысячи других известных и неизвестных героев-казаков, служат нам примером. Они, только они были истинными казаками не только по имени но и по духу. Будем же следовать их примеру, будем теми маленькими кирпичиками, из которых современным будет построен казачий Дом — вольное, ни от кого не зависимое казачье государство!

Жить далее казачьему народу под русским владычеством невыносимо тяжело и позорно. Мы должны напрячь все силы ума и мышц, но осуществить свое желание — освободиться от русского ярма.

Лучше пасть на бранном поле,
Лучше всем нам умереть,
Чем вперед уж жить без Воли,
Иго русское терпеть!

Вот на что мы должны решиться, чтобы быть истинно вольными казаками.

Те казаки, кои не идут с нами по вольному пути, кои признают себя русскими людьми, — казаки лишь по названию, а не по духу. Это рабы, холоу, которые сознательно или бессознательно лезут в русскую петлю; это трусы, которые боятся не только постоять за свой угнетенный народ, но и выявить свое личное „я“, как казака.

Сейчас в Софии эти „казаки-неделимцы“ устраивают окружной „казачий с'езд“. Намеченная программа их с'езда — довольно обширная и как будто бы целесообразная — говорится лишь о казачьих интересах... Но это лишь по внешности: под овечьей шкурой таятся волки казачьего народа... Все делается и от имени и с ведома русских и... на пользу „единой-неделимой“.

С такими казаками нам не по пути. Вольные казаки не могут быть братьями рабов, не имеющих ни воли, ни чести.

Просим братьев казаков-националистов, присутствующих на С'езде, смело и открыто вынести свое решение — высказать свой взгляд на „казаков-неделимцев“ и приговорить их имена к позорному столбу, как изменников казачьего народа!

Еще раз привет вам, наши избранники, борцы за волю казачьего народа! Смелее вперед! Да не смутится Ваше сердце перед силою врагов и перед ихними коз-

нями. Помните, что за Вашими спинами стоит целый народ казачества, Ваши вольные братья!

Работайте, Бог вам на помощь!

И да здравствует Вольное, национальное Казачество!

Группа Видинских казаков-националистов.

Старший группы *И. Коржов.*

X.

Мы, казаки националисты из Казанлыка, поздравляем С'езд с праздником Светлого Христова Воскресения и желаем ему благоприятной работы на пользу всему великому национальному казачеству всех казачьих Войск, присоединяемся к вам всеми мыслями и чувствами и просим считать нас зачисленными в свою национальную семью.

Наперед заявляем, что мы всецело присоединяемся ко всем вашим постановлениям.

К глубококому нашему сожалению, от нас нет представителя на национальный с'езд, ввиду того, что в городе Казанлыке много сочувствующих казаков, которые боятся открыто стать на чисто казачий национальный путь... Главная же причина та, что мешают „русские казаки“ из воинского союза, а именно: генералы Абрамов и Морозов и полковники Евсиков, Поляков и другие.

Мы, казаки-националисты, надеемся на Всевышнего Бога и на наш национальный с'езд, который поведет борьбу против предателей и шкурников. А поэтому просим наш национальный казачий с'езд послать представителей для широкой организации и прочтения лекций в город Казанлык и др. местности, для поднятия чести и достоинства всего национального казачества, находящегося в пределах Болгарии.

Надеемся, что в непродолжительном времени к нам в город Казанлык придет лектор, который сможет поднять национальный дух местных казаков.

Станичный атаман Казанлыкской станицы

Сотник *М. Борисов.*

М. И. Самсонов.

А. Т. Абрамов.

XI.

Українське Курльтурно-Благодійне Брацтво в м. Русе щиро вітає З'їзд

вільних козаків

і бажає успіху в праці по об'єднанню козаків на терені Болгарії, памятаючи, що тільки через міцну спільність можна добути волю своїм Краям і тоді — на звільнених станицях буде господаром козак, а не московський кат.

Голова Брацтва *Рєков.*

Секретар *С. Ляшко.*

ВК в ЮГОСЛАВИИ.

Союз вольных казачек имени Галины Булавиной в Белграде.

В январе с. г. в гор. Белграде, под руководством Окружного Правления, организован Союз вольных казачек имени Галины Булавиной. Стремление вольных казачек помочь неимущим семейным и одиноким соотечественникам собрало их на совещание, на котором Окружной Атаман П. С. Поляков приветствовал единодушные станичники и объяснил необходимость, цель и смысл создания Союза вольных казачек. Сознвая такую необходимость, казачки немедленно приступили к оформлению намеченной организации. Выбрав правление Союза в составе председательницы — Е. И. Черной, двух секретарей — К. А. Мерзликиной и И. Д. Резниковой и канцелярия — Т. М. Дмитренко, станичники приступили к выработке соответствующей программы дальнейшей работы. Программа оказалась короткая и ясная: 1) материальная поддержка неимущих семейных и одиноких вольных казаков, 2) отыскание в Округе нуждающихся в к-ов; 3) привлечение всех вольных казачек в провинции к созданию при в.-к. организациях подобных Союзов имени Галины Булавиной.

Естественно, раз идет разговор о материальной помощи, значит нужны материальные средства; поэтому первым и важнейшим вопросом после составления



*Евдокия Ивановна Черная,
председательница Союза вольных казачек имени
Галины Булавиной.*

программы дальнейшей работы явился вопрос, откуда взять средства. И этот вопрос разрешен был быстро: в первую очередь станичники обложили себя членскими взносами в размере 5 динар в месяц, плюс добровольные пожертвования опять таки самих же казачек-членов Союза. Помимо этого каждая казачка взяла на себя долг — с подписным листом собирать пожертвования деньгами и вещами среди знакомых — как эмигрантов, так и югославян.

Чуткое сердце женщины-националистки, тяжелым трудом добывающей себе кусок хлеба и, кроме того, ведущей еще и свое хозяйство, влекло ее и влечет по сию пору к добродетели. Несмотря на неприглядную повседневщину, они находят возможным беспокоиться и о своих соотечественниках. Любовь к Казачеству, сознание тяжелых условий жизни в настоящее время и забота о моральном состоянии своего бедного, иногда голодного и раздетого брата на чужбине — призывают их к этому милосердию, которое они считают своим долгом.

В праздники станичники устраивают заседания. Первая помощь казакам была намечена ко дню Светлого Христова Воскресения. Едва-ли какое благотворительное общество делало такие подарки, какие сделали вольные казачки г. Белграда. Некоторые казаки были одеты, получив по паре белья, брюки и гимнастерку казачьи, чулки, носовые платки, а также и мелочь, вроде табаку, папирос и деньгами, самое меньшее по двадцати динар; другие получили только по паре белья, чулки, н. платки, папиросы, кулич, яйца, апельсины, яблоки и даже по небольшой бутылочке водки; были

такие, которые получили только кулич, яйца и апельсины. Стоит только обратить внимание на разнообразность этих подарков, на количество предметов в каждом из них, на то, что таких подарков к Пасхе было сделано не мало и не только в Белграде, но и в провинции, — и уже можно себе представить тот колоссальный труд, который был произведен нашими матерями и сестрами-казачками, — труд, безусловно заслуживающий внимания и особой похвалы.

Союз в. казачек имени Галины Булавиной сделался известным по всему королевству и пользуется большими симпатиями со стороны казачьей общественности и местного населения. Этот союз растет и крепнет и, благодаря безграничной энергии его членов, в будущем он спасет многих казаков от нищеты и падения духа. Великое дело взяли на себя наши казачки. В настоящее время они ведут работу по созданию самостоятельных филиалов Союза в провинции. Таковые уже созданы в Дрваре, Крагуевце и Парачине. В последнем ведет активную и плодотворную работу кубанская казачка, герой партизанской войны, Ирина Тимофеевна Карнаухова.

В скором времени в Югославии таковых филиалов будет столько, сколько имеется всех в.-к. организаций. Намечается определенная система организации Союза в Округе.

Хвала и честь нашим казачкам!.. Их лепта есть тоже борьба за Казачество, ибо она поддерживает дух и тело бедствующих казаков для дальнейшей борьбы за светлое будущее казачьего народа. Их энергию и стремление окрыляет их Шеф, отдавший жизнь свою за Казачество на двадцатой девичьей весне.

Да поможет им Господь в их добром и великом деле. Их забота о своих казаках на чужбине никогда не забудется Казачеством и в свое время достойным образом оценится им.

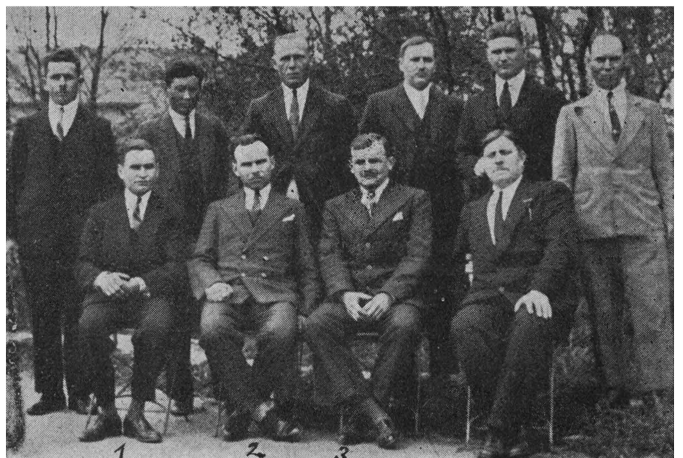
Основательница Союза вольных казачек было однадцать, теперь же их насчитывается много больше. Особенно горячую деятельность проявляет председательница этого Союза Евдокия Ивановна Черная — природная кубанская казачка ст. Старо-Дервянковской Ейского Отдела.

Е. И. Черная в 1916 году поступила на курсы сестер милосердия Екатеринодарской Общины. И в этом же году была отправлена на турецкий фронт. Отсюда, по личной просьбе, была переведена во 2-й Запорожский полк, где находился ее родной брат. В боях под Львовом получила ранение в правую руку и была контужена так, что временно потеряла слух и дар слова. Несмотря на свое ужасное состояние, в минуту самой горячей схватки с австрийцами, когда ухаживать за ранеными на линии огня просто было невыносимо, Е. И. Черная принимает активное участие в борьбе, как рядовой боец, проявив настоящую казачью сметку, за каковую и была награждена серебряной медалью 4-й степени с надписью „За храбрость“... В начале революции приехала в ст. Старо-Минскую, откуда пере-

Правление ВК станицы в Монтаржи с Окружным Атаманом А. К. Ленизовым.

Сидят (слева направо): писарь станицы А. А. Морозов, (дон.), атаман Н. П. Ивановсков (дон.), Окружной Атаман А. К. Ленизов, организатор станицы и первый ст. атаман С. П. Ткаченко (куб.).

Стоят (слева направо): казначей ст. А. Н. Демченко (куб.), члены рев. ком.: С. Б. Тазгиров (дон.) А. Д. Забирка (куб.), В. И. Мокиенко (к.), Д. П. Вертий (к.), Ф. П. Верба (к.).



ехала в свою станицу и здесь работала в станичной больнице до тех пор, пока не была отправлена в 1918 г. под Ставрополь. Здесь в схватке с большевиками была тяжело ранена: пулеметным огнем были перебиты обе ноги и несколько осколков снаряда попали в грудь. Доблестная казачка потеряла сознание и в продолжение долгого времени не могла говорить. За боевое отличие была награждена Георгиевским крестом 4-й степени. Оправившись после ужасного ранения и контузии, принимала активное участие в восстании при наступлении на Ейск и в целом ряде боев почти вплоть до оставления Кубани. В настоящее время, еще полная сил и безграничной любви к Казачеству, ведет неустанную работу не пользу Вольного Казачества. Дай, Боже, ей сил и здоровья!

Николай Букин.

ВК хутор в Белой Церкви.

В Белой Церкви (Югославия) образован казачий хутор, который единогласным постановлением вступил в ряды ВК.

ВК во ФРАНЦИИ.

ВК станица в Vesines-Chalette при Montargis.

22 апреля нашей станицей был устроен доклад в помещении Украинской Грамады. Прочитан был доклад Окружным Атаманом А. К. Лениновым, который любезно согласился приехать к нам из далекого Лиона. За несколько дней до дня доклада ст. правлением были расклеены объявления, посредством которых приглашались на доклад все казаки, как вольные, так и „не вольные“.

В назначенный день и час, при многочисленном собрании слушателей, станичный атаман Н. П. Ивановский краткой речью открыл собрание, предоставив слово докладчику.

Темы доклада: 1. Великое Войско Кубанское и Задунайская Сечь. 2. Казачий вопрос.

С первых слов вся аудитория была подчинена докладчику. Темы доклада были настолько интересны, исторически ценны, а для нас, вольных казаков, так поучительны, что на долю докладчика пришлось не мало вполне заслуженных аплодисментов. В продолжение

трех с половиной часов внимание слушателей не ослабевало, а интерес к дальнейшему все возрастал. Заканчивая доклад, А. К. Ленинов указывает на необходимость всем стремляющимся к освобождению из под ига Москвы народам поступать так, как сказал борец Украинского народа Т. Г. Шевченко а именно:

„Борітеся — поборете“.

По окончании доклада докладчику было предложено несколько вопросов. Первый задал вопрос „душой казак“ — П. П. Ерыжинский, который больше симпатизирует „Казачьему Набату“, чем „В. К.“ Вопрос таков: „Какие перспективы в. к., когда оно станет самостоятельным? (дословно).“

А. К. Ленинов обстоятельно, обоснованно и толково ответил на вопрос. Г. Ерыжинский не понял ответа, как он заявил, между тем, как все слушатели поняли и были удовлетворены ответом. А. К. Ленинов еще раз объясняет терпеливо, ясно и еще понятнее, чем в первый раз; г. Ерыжинский отказывается понимать и на сей раз. Возмущенная аудитория тотчас дала почувствовать казaku „кость от кости, плоть от плоти“ русскому, что его персона не туда попала, и под негодование возгласы возмущенной публики „русский казак“ покинул зал собрания.

После этого задавали вопросы братья-украинцы, которые остались очень довольны ответами докладчика. Последним говорит голова Украинской Грамады пан Баццук. Поблагодарив А. К. Ленинова за интересный и ценный доклад, пан Баццук сказал, что „время нам, всем народам, поработенным Москвой, сговориться между собой, а прежде всего — вольным казакам и украинцам. Самостийные течения народов не есть утопия, как выкрикнул „казак“ Ерыжининский. Тем более не может быть утопией стремление народа к тому, что уж имело место в истории. Стремление наше к самостоятельности не может быть утопией. Мы должны бороться единым фронтом, — тогда мы, безусловно, победим“.

Собрание закрыл ст. атаман Н. П. Ивановский, обратившись к А. К. Ленинову с краткой речью, в которой сердечно поблагодарил его от лица всех вольных казаков станицы, крепко пожав уважаемому докладчику руку. Ст. атаман высказал особую благодарность братьям украинцам за их внимание и симпатии к нам, вольным казакам.

Собрание закончилось овацией по адресу докладчика А. К. Ленинова.

Писарь станицы А. Морозов.

2 мая 1934 г. Montargis.

В К а з а к и н.

На школьном фронте.

25 февраля 1934 года президиум ВЦИК вынес решение о подготовке школ к новому учебному году.

КрайОНО дал на места план подготовки к новому учебному году с указанием сроков выполнения отдельных видов работ.

- Собрать средства на учебники к I-IV—34 года.
- Немедленно приступить к ремонту.
- В течение марта и апреля завести школам толку... и т. д., и т. п.

Что же проделано в осуществление этих директив? Совещание инструкторов районных и городских отделов народного образования при КрайОНО вскрыло, что в течение месяца идет прежняя знаменитая „раскачка“ — подготовка... к подготовке нового учебного года.

Тов. Лобода (Обливский район) говорит: „Первое совещание мы собрали в райОНО 28 января, второе провели 12 февраля, третье — 21, затем, вопрос о подготовке к новому учебному году обсуждался президиумом РИК'а, райкомом партии, — разработали план и спустили на места“.

- Пришкольные участки закреплены?
- Нет, да и семенного материала еще нет.
- Заклочен ли у вас договор с райпотребсоюзом на обувь и одежду для школ?
- ... Тоже нет. Еще не договорились.
- Деньги на учебники внесли?
- Нет. По плану нам нужно было собрать 22 тысячи рублей, собрали 816 рублей.

Такое же положение в Ванновском, Ейском, Каневском районах, Адыгее. А в Азовском и Курганенском

районах вопрос о подготовке к новому учебному году и проверочным испытаниям еще нигде и не обсуждался.

В районах нет заботы о приобретении для школ топлива, извести, песку, глины, стекла, гвоздей, досок и др. строительных материалов. Не привлечены на помощь школе политотдел и шефские общественные организации.

Неудовлетворительно готовятся в районах Тимошевском, Обливском, Курганенском, Сальском и др. к проведению проверочных испытаний по школам.

Немногом лучше дело обстоит в г. г. Ростове и Новороссийске. Здесь инструкция о проведении проверочных испытаний и план были проработаны не только на педагогических советах, но и в ячейках комсомола, на ученических и родительских собраниях.

Аппараты отделов народного образования если по форме и перестроились, то по содержанию далеко еще нет“...

(„М.“ 2 апреля).

Розыски.

Петра Андреевича и Алексея Карповича Абрамцовых (ст. Ханской, Майк. о.) просит откликнуться Гаврил Абрамцов по адресу: Jougoslavie, Kraljevo, до хотел Задужбина, трг. Ефим Кривец.

Сергея Ивановича Толок и Якова Тихоновича Усенко (оба раньше жили в Польше: Усенко в Барановичах, а Толок в Swierzen Nowy) разыскивает И. П. Подрезов: Jougoslavie. Skoplje. Чизмарско-обучарска радња „Кавказ“, Kej Кр. Александра 49.



Продолжается подписка на 1934 год
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: в Č.S.R. 1 корунгову знамку, из-за границы
1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207,
Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.